Ловец

Автор:
Надежда Мамаева

Ловец

Надежда Николаевна Мамаева

Я наследница миллионных банковских счетов и мануфактур. Я молода, у меня есть любящий заботливый муж, а самая большая проблема, с которой приходилось сталкиваться – сумочка, не подходящая к платью. О такой жизни, как у меня, мечтают многие девушки в империи. А вот о такой смерти, как у меня – бредят лишь в кошмарах. Но именно с официальных похорон и начинается моя история. Наказать предателя-мужа, найти убийцу собственного отца, если ты оказалась на самом дне, в трущобах. Открыть в себе магический дар и стать сильной, независимой. Вот только как вновь поверить в любовь? Особенно, если та настойчиво преследует меня, грозя поймать душу.

Мамаева Надежда

Ловец

Пролог

Весенний рассвет в горах. Каждый раз – чудо. Горящие алым шапки ледников, и сумрака покров в долинах. Тишина, которая оглушает. Чистый воздух. Им невозможно надышаться. Каждый раз кажется, что для абсолютного счастья не хватает ровно глотка этого первозданного покоя.

Сегодня туман, что стелился по расщелинам, казался особенно густым, молочным. Про такой горцы говорили: может укутать в шаль вечных снов.

Мужчина, выбежавший из штольни на террасу, взмыленный, запыхавшийся, выругался и выкинул в обрыв бесполезный разряженный револьвер. Пот градом тек по его седым вискам, сердце билось о грудную клетку в рваном ритме, свистящее дыхание то и дело сменялось покашливанием. И не мудрено: гремучий пещерный газ вдоволь сдобрил воздух там, внизу.

Беглец зажал ладонью рану на плече и оглянулся. Топота еще не было слышно, но он знал: пройдет меньше минуты, и его настигнут.

Взгляд ввысь, словно подстреленный заранее просил у неба прощения за задуманное.

– Не дождешься, – зло выплюнул он и, набрав побольше воздуха в грудь, крикнул что есть мочи: – Э-ге-гей!

О горах он знал даже больше, чем всё. Легенды и предания, научные выкладки и магические расчёты. Его жизнь была посвящена им. И лишь малая толика – семье, вернее, тому, что от нее осталось. А сейчас не будет ничего: ни жизни, ни семьи. И его самого не будет.

Гора откликнулась на зов. Эхо прокатилось по склонам, отразилось от вершин, ударилось о глыбы, сдвинуло с места каменную крошку. Она полетела вниз, пихая по пути соседок габаритами поболее, и вот уже со склона понесся камнепад, толкнувший в свою очередь целый пласт, подмытый вешними водами.

В грохоте лавины потонули и выстрелы, и отборный мат, и мольбы к Престололикому. Ни небо, ни земля не услышали голосов мелких людишек, когда изволила заговорить гора.

Глава 1

Хлоя Элгрис

– Моя медовая, просыпайся, – нежный голос мужа с характерной утренней хрипотцой прозвучал у самого уха. Невесомый поцелуй в висок я почувствовала сквозь сладкую негу.

– Грег, еще две минуточки, – пробормотала сонно, зарываясь в одеяло.

Супруг проявил настойчивость, и его рука скользнула в вырез ночной сорочки.

– Ну зачем ты начинаешь? Так же хорошо спали, – пробормотала я, отчаянно цепляясь за ускользающее сновидение.

– Я подумал, что моя замечательная женушка захочет проводить своего котика. Ведь я сегодня уезжаю на целый день на верфи… – протянул соблазнитель и поцеловал. На этот раз в губы, окончательно прогоняя остатки ночных грез.

Все же мне достался прекрасный супруг: чуткий, внимательный, обаятельный. Это не считая того, что он умопомрачительно красив, в отличие от заурядной меня.

Едва я откинула одеяло, мне протянули пеньюар.

– Солнышко, тебе стоит одеться. В комнате промозгло. Ты можешь снова простудиться… Целитель и так опасается за твое шаткое здоровье. У тебя еще не прошел до конца кашель.

В этом была я вся. То шмыгающая носом, то со слезящимися глазами, то с раздражением по всей коже. Постоянно. Если не одно, так другое. Дни, когда я была абсолютно здоровой, можно пересчитать по пальцам. Не мудрено, что меня, перманентно чахнущую жену муж окружал сверхзаботой.

Я вышла в холл проводить Грега. Чмокнула его в щеку на прощанье.

– Моя медовая, какие у тебя были планы на сегодня? – уже почти на пороге спросил супруг.

Я пожала плечами. Последнюю неделю все дни я проводила одинаково: лежа в постели с дамским романом, кружкой горячего липового чая и медовой коврижкой. А все оттого, что опять умудрилась где – то подхватить простуду. И это на исходе лета, в особняке, где даже в самый жаркий месяц топят камины.

Но сегодня такой день, который я просто не могла провести под одеялом.

– Думаю, что пройдусь по магазинам, – чуть смущенно я поведала супругу.

На лицо Грега набежала мимолетная тень, словно мой променад был не менее важен, чем котировки акций на бирже.

– Хорошо, Хло, тебе и вправду стоит развеяться. Только оденься потеплее и долго не задерживайся. Ты еще не до конца оправилась, – в его словах слышались мягкий упрек и увещевание.

Дверь за Грегом закрылась, а я все еще глупо улыбалась. Не знаю, сколько бы я простояла, если бы не появилась служанка.

Лили, молоденькая горничная, вошла в холл со стопкой отглаженного белья.

– Леди, что же вы босиком стоите! – воскликнула она. – Не ровен час опять сляжете…

Я уже привыкла, что все вокруг в первую очередь беспокоятся о моем здоровье. Вот и рыжая до осеннего багрянца Лили, усыпанная конопушками ото лба до подбородка, сначала покачала головой оттого, что я не надела тапочки, а потом поинтересовалась:

– А господин Грегори поздравил вас с годовщиной свадьбы? – судя по тому, как она после этого вопроса зарделась, слова вырвались у нее невольно.

– Еще нет, но думаю, что вечером мы ее отметим. А сегодня я хотела съездить за подарком в ювелирную лавку, что находится на Ист – Лайдос.

– Через барьер? – Лили поджала пухлые губы, а потом, словно поясняя причину тревоги, запричитала: – А может, не стоит? Неужто в столице не сыщется

золотых дел мастера, который бы вам угодил? Вчера в океане шторм был. Чародейский заслон, конечно, крепкий, и не дает воде залить столицу, но все же… этому прозрачному барьеру я бы не доверяла. Вон, даже в синематографическом театре про это картину показывали, как плетение заклинаний, сдерживающих дамбу, может разорваться…

Ее слова заронили в мою мнительную душу беспокойство. Но я была настроена во что бы то ни стало порадовать мужа. Да и к тому же я не разделяла беспочвенный страх Лили, внушенный ей синематографом, появившимся не так давно.

– Этому барьеру уже не один десяток веков, Лили.

– Леди, воля ваша, – произнесла служанка с нарочитой покорностью. Дальнейшие ее слова показали, что Лили, как вышколенная прислуга, своего истинного отношения к моему упрямому желанию никак не выразила, но дружеские нотки, что иногда сквозили в нашем общении, исчезли. – Тогда разрешите сообщить шоферу о вашем намерении прокатиться на магомобиле.

– Позже, Лили, позже. Сначала нужно привести себя в порядок, да и поесть…

– Подать завтрак в столовую? – уточнила горничная.

– Нет, принеси в спальню.

Получив распоряжения, служанка ушла, а я поняла, что Лили была права: не стоило пренебрегать теплыми тапочками. Босые ноги замерзли. Только бы не разболеться сегодня. Такой день! Годовщина. Грег, как всегда, был мил и обходителен, вот только отчего он не упомянул о нашей дате? Забыть не мог. Может, тоже решил приготовить для меня сюрприз?

Подарок мужу я заказала давно, но вот выкупить его никак не получалось: то я с простудой, то мастер Окинар в разъездах. А через посыльного передавать не хотелось. Все же старик ювелир был другом моего покойного отца. Поэтому – то мастера за работу я желала поблагодарить именно лично, глядя в глаза в глаза.

Я поднималась по лестнице в раздумьях. Рука машинально гладила мореный дуб, а мыслями я была уже в нашей спальне, когда вечернее солнце вызолотит витражное окно и на белом ковре расцветет причудливая мозаика красок. Три года. Мы с Грегом женаты три года. Я даже не представляю сейчас жизни без него. Того, кто взвалил на плечи все заботы о доме, верфях после смерти моего отца. Кто приумножал доставшееся мне наследство на бирже, заботился обо мне.

В гардеробной я все так же витала в облаках. Оттого с выбором туалета мне помогла Лили, вернувшаяся с подносом. Пока я завтракала тостами с джемом и мятным чаем, горничная достала несколько нарядов, из которых я выбрала короткое (чуть ниже колена) платье без рукавов, украшенное бахромой и паетками. К нему прилагались шляпка – котелок, лайковые перчатки до локтя и туфли – лодочки жемчужного цвета. А чтобы я, не дай Престололикий, не застудилась, Лили предложила надеть мне манто.

Мои недлинные каштановые волосы Лили уложила волнами, расположив пряди у левого виска, а правую сторону оставила идеально гладкой.

Наконец, я была готова.

Выйдя из дома, спустилась по мраморной лестнице к стоявшему у ворот магомобилю. Стенфорд, наш водитель, поджидал меня у распахнутой дверцы. Я всегда боялась садиться за руль, в отличие от Грега, который не признавал никого за рулем, кроме себя.

– Леди Хлоя, прошу вас, – Стэн учтивым жестом указал на заднее сиденье.

Наш водитель был уже в летах и обладал совершенной и идеальной фигурой в понимании математиков – шара. Его образ доброго дядюшки дополняли и лихо закрученные усы, и шляпа пирожком. Стэн предпочитал носить пиджаки даже в собственные выходные и курить старомодную трубку, а не папиросы. Но при этом всем умудрялся так виртуозно управлять магомобилем, что успевал всегда и везде, умел при этом проскакивать ухабы и обгонять лихачей так, что я этого даже не замечала. А по столичным меркам, когда на улицах число магомобилей уже сравнялось с числом экипажей, а вскоре и вовсе грозило вытеснить повозки с лошадьми, такой талант вождения Стэна был сродни искусству.

Я расположилась на заднем сиденье, двигатель машины, поршни которого работали на усилии огненного элементаля, заурчал, и мы тронулись.

Уже выехав на шумную Авеню – Роур, я вспомнила, что оставила на кровати свой клатч.

– Стэн, притормози, пожалуйста, – я похлопала водителя по плечу.

– Вы что – то забыли, леди? – не глуша мотор, осведомился он.

– Да, сумочку. Останови, пожалуйста, я выйду. Мы отъехали всего ничего. Полквартала. А погода сегодня – просто чудесная. Я хочу пройтись.

– Давайте подъедем к особняку, госпожа Хлоя.

Солнце светило сквозь стекло согревающими, но не палящими лучами, в воздухе растекался аромат поспевших яблок, а первые желтые листья клена кружили по тротуарам.

– Сегодня замечательный день. А я так давно не гуляла… Подъезжай к воротам, а я пройдусь, мы не спешим. Здесь всего – то шагов триста.

Стэн лишь кивнул и, лихо выкрутив руль, развернулся на булыжной мостовой. Неспешно, так, чтобы видеть меня в боковом зеркале, он двинулся к дому.

Двигатель громко урчал, элементаль, не довольный столь медленным ходом, пофыркивал в выхлопную трубу, и водитель чуть поддал газу, словно согласившись на требование поехать немного быстрее.

Я неспешно брела в сотне шагов позади, в тени кленов, любуясь бликами океана на горизонте, когда машина поравнялась с воротами. Стэн выключил двигатель, и тут раздался он – взрыв небывалой силы. Воздушная волна повалила меня навзничь, протащив пару футов по брусчатке. Шляпка упала с головы, покатившись по тротуару, а в следующее мгновение я кожей ощутила волну жара, которая облизала мои щиколотки и схлынула прочь, оставив после себя смесь запахов жженого металла и обуглившейся плоти.

Я лежала, судорожно пытаясь сделать вдох, и не могла. Пальцы непроизвольно заскребли по брусчатке. Горло словно опоясал огненный жгут. Перед глазами начало темнеть.

Отрезвил женский визг. Истошный, всепроникающий. Он хлестко ударил по ушам, заставил мозг переключиться. Мышцы грудной клетки, вырвавшись из – под контроля запаниковавшего разума, привычно сократились, позволив сделать вдох.

Сколько я так пролежала, приходя в себя? Мне казалось – целую вечность. В сознание ввинчивался все тот же женский крик, подхваченный еще несколькими голосами. Где – то вдалеке раздался свист патрульного, оповещающий о том, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Затылком ощутила вибрацию булыжника от еще далекого топота.

Медленно, прикладывая неимоверные усилия, села. Подол платья бесстыдно задрался, оголив ноги в чулках. На капроне зияли оплавленные жаром дыры. На светлую ткань платья тут же упали алые капли. Почему, когда носом идет кровь, ее всегда столько? Но от созерцания все увеличивающегося числа красных пятен меня отвлек еще один, на этот раз не столь мощный, взрыв.

Огненные языки лизали покореженный остов магомобиля. Осознание. Еще не полное, но отчетливое: Стэн погиб. Он умер так же, как и Лили, выбежавшая на крыльцо с моим клатчем. Ей оторвало кисть. Пальцы, уже не принадлежа хозяйке, все так же сжимали мою перламутровую сумочку.

От чуждой, пугающая до дрожи картины изящной женской руки, для которой природа отчего – то пожалела веснушек, меня вывернуло наизнанку. Красивая кисть, без узлов и жесткой, огрубевшей кожи… так похожая на мою.

«А ведь на месте Лили могла быть я!», – эта мысль, принесшая с собою вторую волну паники, потянула за собой еще одну: «Генри! Срочно надо добраться до Генри! Он поможет, закроет собой от любой опасности».

Я, как чумная, поднялась и, шатаясь, не глядя вокруг, пошла прочь. У меня была единственная цель: добраться до причала. Туда, откуда батискафы отправляются на верфи сектора Южного Ольса.

Бредя по улицам, я старалась не думать о случившемся. Чувствовала, что иначе окончательно сорвусь в бездну, потеряю рассудок и навсегда заблужусь в лабиринтах безумия. Но перед мысленным взором все стояла картина: покореженный магомобиль и обугленное волной огня тело Лили на ступенях. И лишь ее уцелевшая рука с алебастровой кожей.

Не думать.

Не думать.

Не думать.

Я повторяла про себя эти слова, как мантру. Так же монотонно, как стучит отбойный молоток, так же размеренно, как капает вода из крана, в такт механическим шагам, не обращая внимания на то, что прохожие поворачивают головы мне вслед.

Я словно сама себя гипнотизировала. Но это слабо помогало. А потом поняла: если мысли все вновь и вновь возвращаются к взрыву, нужно попытаться подумать о чем – то другом. Без разницы даже, что это будет. Да хоть та же, морская бездна ее поглоти, дамба, что опоясывала столицу. И я судорожно начала вспоминать все, что знаю о барьере.

Еще сотни поколений назад воды океана поднялись столь высоко, что затопили все ровные участки суши. Над морской гладью остались только горные пики и хребты, малопригодные для жизни.

Тогда-то на выручку и пришли маги, выбрав подводное плато и окольцевав его барьером. Получилось, что вокруг, на высоте сотни ярдов, плескались волны, а мы жили в секторе ниже уровня вод. Порою, в сильные шторма, барьер поднимался еще выше и даже, один раз на моей памяти, смыкался куполом над нашими головами. Все бы ничего, но стремительно росшей столице места уже не хватало. Поэтому дома, еще недавно двухэтажные, начали строить не вширь, а ввысь. Может, спустя век, их крыши и вовсе будут возвышаются над морской волной?

И таких опоясанных земель было множество. А меж ними передвигались на батискафах и кораблях. Вторые, гонимые ветрами и винтами – быстроходнее и

надежнее, но до них еще надо подняться на дирижабле. Зато батискафы сновали меж столицей и расположенными рядом секторами не хуже мальков. Вообще-то эти верткие посудины, зачастую ржавые, правильнее было бы называть магоскафами, поскольку работали они на магии и на честном слове чародея, накладывавшего защитное поле, но по старой памяти их именовали именно так.

Причаливший к пирсу батискаф выпятил свой кормовой отсек из барьера в паре футов от земли, чтобы пассажиры могли сесть в них.

Я уже подошла вплотную к барьеру – прозрачному и, на первый взгляд, тонкому. Ну, чисто мыльный пузырь. По ту сторону – водная толща, в которой неспешно покачивались водоросли, всеми оттенками алого пестрели кораллы, по своим делами плыли медузы, словно дамы прошлых эпох в кринолинах. Они то раскрывали зонт щупалец, то стремительно сжимались, толкая тело вверх. Распахивали свой капюшон, как птицы – крылья, скаты… Море было спокойным и делилось своим спокойствием со мной.

Площадка для тех, кто предпочитал частные перевозки, находилась чуть дальше. Прямо же передо мой был причал для тех, кто выбирал дешевизну и «убогую серость», как выражался Грэг.

Я же видела эти общественные батискафы до того лишь издали. У нашей семьи был свой, на собственном причале барьера. Но сегодня его взял супруг. Я планировала, что Стэн договорится с одним из частных перевозчиков и сопроводит меня на Ист – Лайдос, оставив магомобиль на стоянке.

Стэн… В горле опять встал ком, который я с усилием проглотила.

– Эй, дамочка, помочь? – недовольный и грубоватый голос заставил меня оторвать отрешенный взгляд от барьера.

Но, едва говоривший глянул на мое лицо, сразу осекся.

– Миссис, что у вас случилось? – высокий, с бледной рыхлой кожей и вислыми щеками мужчина, что стоял у пирса, подался вперед.

Нехорошо начинать разговор, не поприветствовав собеседника. Дурной тон оставлять вопрос без ответа. Этим истинам меня с детства учили гувернантки и бонны. Вот только сейчас было не до этикета.

Я подняла на него взгляд и одними лишь губами прошептала:

– Мне необходимо попасть на верфи.

Удивительно, но, несмотря на мой даже шелест, а не шепот, мужик понял, куда мне надо.

– Если к судострою, то вам к Колченогому Алаиру надо, его батискаф туды ходит, – и в подтверждение своих слов он ткнул пальцем, похожим на грязную сардельку, в стоявший невдалеке батискаф. Тот тоже выпятил свою помятую корму и ржавый винт из барьера и гордо завис в воздухе, не доставая пузом до горбылей причала три фута.

Я лишь кивнула и, как робот из витрины «Магии механизмов от Джуди Роу», тяжелыми деревянными шагами двинулась в указанном направлении.

Пассажирский батискаф, что отходил к верфям, был неказист, широкобрюх и настолько ржав, что рыжины на его обшивке было больше, чем бирюзовой краски. Боковые винты, что виднелись по ту сторону барьера, неспешно вращались. Зато у такой раритетной посудины имелось одно неоспоримое преимущество: скорость на ней, наверняка, просто не чувствуется (сколько ни подгоняй элементаля в двигателе).

Плачевный вид батискафа объяснялся просто: он был для рабочих. Простых трудяг, что каждое утро спешат на верфи, а потом глубокой ночью добираются до окраин столицы. К чему им переплачивать за комфорт спозаранку? Ведь в предрассветный час, когда глаза еще с прищуром смотрят на мир, а дрянной, повторно сваренный кофе (он же – оружие массового воскрешения), еще не пробудил организм ото сна, изыски интерьера ни к чему. Главное, чтобы посудина не развалилась в воде, а все остальное – мелочи жизни.

Когда я подошла к судну, капитан уже закрывал люк.

– Подождите! – Голос сел, и крик больше походил на шипение.

– Сюда? – с сомнением уточнил худой как щепка капитан, опираясь на костыль.

– Да, мне нужно во что бы то ни стало попасть на верфи.

– Четверть фунта, – безучастно озвучил мзду капитан. Он, в отличие от первого, указавшего мне эту посудину, плевать хотел на внешний вид и состояние леди.

И тут я вспомнила, что у меня с собой нет не только ни одного никелированного фунта, но даже и бронзового пенса.

Капитан, заметив мою растерянность, прошелся взглядом, как наждаком, от мысов туфель – лодочек, испачканных в крови и грязи, до растрепанной макушки, а потом выдал:

– Но если денег нет, то могу взять браслетом.

Я посмотрела на свое запястье. На нем, поверх посеревшей лайкры, красовалась золотая вязь фамильного украшения, оплетавшая рубины. Цена этого обручального браслета равнялась стоимости сотни таких батискафов, но сейчас деньги не имели для меня никакого значения. Единственная мысль, благодаря которой я еще держалась на ногах – это увидеть Грэга. Поэтому я, не торгуясь, сняла браслет и протянула капитану. Тот поднял украшение над головой, так, что солнечные лучи заиграли в драгоценных камнях на свету, и удивленно протянул:

– Настоящие… А я то думал: стеклярус зачарованный…

Впрочем, жадность тут же взяла в его душе верх над порядочностью. Прикинув в уме сумму, попавшую к нему в руки, капитан не поспешил отсчитать «сдачу». Нет. Он положил украшение в нагрудный карман и, похлопав тот ладонью для верности, сварливо осведомился:

– А куда именно на верфи вас доставить?

Видимо, крюк в обход установленного для рейсового батискафа курса в понимании капитана окупал излишне щедрую плату.

– Галерный двор, – я обхватила себя руками.

Мне было холодно от мыслей, от картин, что стояли перед глазами, и от цинизма, что сквозил в колком взгляде этого Колчегогого Алаира.

– Подвезу в лучшем виде, забирайтесь внутрь, леди. Отчаливаем.

Леди… За весь разговор он впервые обратился ко мне, как полагается по статусу. Деньги, пусть и в виде золотой лозы, созданной два века назад ювелиром, – это лучшие учителя этикета и манер. А как быстро они прививают уважение…

Я поднялась по скрипящему на все лады трапу и оказалась в узкой, душной гондоле. «Пригнитесь» капитана прозвучало с запозданием: я, несмотря на свой невысокий рост, уже успела поприветствовать затылком низкий потолок.

Лавчонки, что стояли вдоль стен, были забиты. Кого тут только впритирку не сидело: мужик с испитым лицом, две словоохотливые бабищи с корзинами под ногами и сгорбившийся старик в коротком и ободранном пиджачке, настолько заскорузлом от грязи, что драп уже чем – то напоминал рыцарский доспех. И вонял обладатель кургузого одеяния не хуже, чем немытый пару месяцев тамплиер.

Одна их теток подвинулась, и я тихонечко присела на свободный край скамейки.

Под потолком раздался усиленный рупором капитанский голос:

– Отправляемся. О промежуточных остановках объявлять заранее и громко, поскольку капитан глухой и не успевает сразу нажать протезом тормоз. А еще напоминаю, что в стоимость проезда аварийный дыхательный амулет не вхо…

Окончание прочувственной речи потонуло в скрежете хвостового винта, который наконец – то оказался в воде. Я буквально спиной почувствовала вибрацию, что передавалась от лопастей по всему борту судна.

«Если эта посудина развалится, будет обидно утонуть, едва избежав смерти в огне», – пришла в голову мысль. Руки же тем временем вцепились в засаленное и отполированное сотнями тысяч задов деревянное сиденье.

А две дородные тетки словно и не заметили стона ржавого железа. Достав семечки, они принялись с упоением лузгать их, сплевывая шелуху в кулак. Лишь когда посудина сделала хоть и плавный, но внушительный крен, одна из них крикнула в капитанский отсек:

– Эй, полегче там на поворотах! Меня, между прочим, дома семь детей и муж ждут!

На что ей тут же каркающе отозвался старик:

– Ха, и эта женщина кричит об осторожности!

– А ты не завидуй, пенек замшелый, – не осталась в долгу бабища.

Не знаю, до чего бы дошло, но именно в этот момент капитан объявил: «Галерный двор!», – и я поспешила покинуть батискаф.

Торопилась. Буквально бежала по нижней, придонной, как ее называли в обиходе, верфи. Мимо стапелей, мимо снующих рабочих, дымящих паровых котлов и бухт каната, что выше моего роста.

Входная дверь. Узкий, но чистый коридор и ступеньки. Много ступенек. Я практически задыхалась, мечтая лишь об одном: поскорее бы увидеть мужа.

Дверь в приемную была не заперта, а вот секретарши почему – то на месте не оказалось. Но мне на это было наплевать. Я уже потянулась к массивной латунной ручке, чтобы войти в кабинет Грега, как услышала:

– …милый, ну сколько мне еще ждать? Ты обещал, что женишься на мне этим летом. И вот оно уже на исходе, еще пара дней – и осень…

Шуршание ткани и влажные звуки, словно кто – то решил высосать сок из перезрелого помидора, прокусив кожуру.

– Кларисса, я не отказываюсь от своих слов. Подожди еще чуть-чуть…

Прерывистое дыхание и вновь шелест ткани.

– Но та болезненная моль, которую ты по ошибке называешь женой, все же носит твой обручальный браслет.

Скрип лакированного дерева, царапающий уши.

– Благодаря этой серой моли у нас с тобой вскоре будет состояние. Потерпи еще немного…

Шлепающие звуки. Ритмичный скрип. Я лишь приоткрыла дверь, но и того, что я увидела, было достаточно.

Белокурые волосы, разметавшиеся по письменному столу, ноги в чулках, обхватившие поясницу Грега, который стоял со спущенными штанами – картина казалась столь нереальной, что меня будто парализовало.

А эти двое так увлеклись друг другом, что не заметили чуть скрипнувшей двери. Я плотно закрыла ее, стараясь отгородиться от увиденного. Хотя бы этим покрытым лаком деревом, если уж мысленный заслон не поставить. Слезы, которые не выплакала по дороге к мужу, полились ручьем.

Кто сказал, что самое сильное горе захлебывается в вое и рыданиях? Ложь. Беззвучные слезы – вот спутники отчаяния и боли, идущих из глубины души.

Перед глазами все плыло, когда я спускалась по лестнице. Туман застил глаза, а я искренне сожалела, что не умерла сегодня утром. Жить с пониманием предательства казалось гораздо тяжелее, чем вытерпеть пару мучительных секунд смерти.

Я поравнялась со строительными лесами, когда Престололикий услышал мои мольбы. Раздалось громогласное: «Па-а-аберегись» и сквозь пелену, что застила глаза, я увидела, как на меня падают здоровенные жерди.

Теодор Ронг

– Сегодня день испытания, и вы, выпускники Оплота, должны доказать, что достойны стать ловцами – опорой и защитой нашей страны…

Слова, полные пафоса, перемежающиеся бессмысленными паузами раздражали Тэда почище, чем зубная боль. Он стоял, как и три дюжины нынешних выпускников, на корабельной палубе, которая неспешно наклонялась то в одну, то в другую сторону. Это вздыхало море, баюкая немалое судно на своих волнах. Происходящее было бы даже отчасти приятно: Тэд, в отличие от многих сокурсников, не страдал морской болезнью, и качка его даже успокаивала, если бы не то, что должно вот – вот случиться.

Испытание ловцов – не дань традициям ушедших эпох. Это проверка, которую не всем дано пережить. Молодые мужчины стояли со связанными за спиной руками. Плотная повязка на глазах, через которую не видно ни зги, давила немилосердно. Но самое худшее ждало их впереди: погружение на глубину.

Тот, кто претендует на звание ловца, должен был достать со дна свою собственную жизнь. Сейчас весь тот срок, что отмерен каждому из выпускников, был словно спряден в кудель, выдернут, как нитка из полотна судеб, и намотан на кристалл. На этот блеклый перламутровый камешек, что висел на шее у каждого из трех дюжин молодых мужчин на шнурке. Сожми его в ладонях – и впитаешь обратно все то время, что отпущено тебе Престололиким, но…

Речь мессира завершилась, и перед шеренгой выпускников прошел один из его помощников, бесцеремонно срывая с шей выпускников амулеты. Размашистое движение – и уже за борт летит гроздь кристаллов на шнурках.

Связанные сейчас были равны меж собою, как никогда прежде: каждому из них оставалось жить не больше пятнадцати минут. Именно такой срок оказался не «намотан» на амулет. А мессир, словно в издевку, оттягивая время, произнес то, что и так все знали:

– Вы должны достигнуть дна и найти свой кристалл, доказав тем самым, что способны не заплутать на сумеречных путях лабиринтах в поисках душ. Иначе какие вы ловцы, если не можете отыскать даже собственные жизни? – а потом говоривший все же дал отмашку: – Время пошло!

Три дюжины молодых мужчин в одних штанах попрыгали за борт.

Тэд тоже сиганул, не тратя время на разбег, в коротком прыжке оказался на кромке. Он, балансируя, ощутил под босыми ногами мокрое дерево, а потом… Короткий полет и холодная вода сомкнулась над его светлой макушкой.

Зимнее море с его седыми бурунами никогда не жаловало тех, кто стремился в его глубины. Это не теплые воды, что плескались за барьером вокруг столицы. Здесь, в Северном пределе, находился Оплот – место, огороженное от моря дамбой, высота которой была ничтожна – всего – то двадцать футов. Но никто из мирных жителей добровольно не спешил поселиться столь близко к поверхности вод: слишком уж ледяными они были.

Вот только тех, кому предстояло стать ловцами, это волновало мало. Особенно сейчас, когда грудь сжимали холодные обручи, перед завязанными глазами плыли разноцветные круги, а пальцы одеревенели. Казалось, еще краткий миг, и Тэд сдастся, откроет рот в бесплотной попытке вдохнуть, и его легкие заполнит соленая муть со дна.

«Только не сдаваться, только не сдаваться…», – последняя мысль на границе ускользающего сознания и… Тэд проснулся. Он открыл глаза, все еще судорожно глотая ртом воздух.

– Всего лишь сон. Тлен и пепел, опять этот сволочной сон! – ловец провел ладонью по лицу, стирая холодный пот.

Кошмар, сотканный из воспоминаний дня, которому минуло уже пять лет, посещал его редко. Порою Тэд с надеждой думал, что избавился от него вовсе. Ан нет, память, как садист – извращенец, подкидывала картины некогда пережитого в самый неожиданный момент. Вот как сейчас, когда под боком спала укрытая одной простыней девица.

Сегодня у Тэда выдалась жаркая ночка, и он не прочь был ее повторить. Всю, кроме этого растреклятого сна. А ведь тогда вынырнули на поверхность всего семеро. Семеро из трех дюжин! Мессир, помнится, обронил с сожалением, что в том году мало у кого дар полностью раскрылся… Напыщенную морду этого индюка Тэд, казалось бы, запечатлел в своем сознании навсегда. Но сейчас, по

прошествии пяти лет, черты одутловатого лица уже расплывались перед мысленным взором, зато ненависть – ненависть была прежней.

Его, пацана, выросшего на улице, в одиннадцать лет поймали на краже. Уже тогда Тед был знатным щипачом. Беспризорника ждали исправительные работы на рудниках. И его бы отправили на хребет, чьи пики возвышались над морем на сотни футов, если бы не тот, у кого малой умудрился стянуть кошель. Тэд нарвался на стража Оплота – Хьюго Стоуна, чье лицо было изукрашено уродливым рисунком шрамов.

Тэд помнил того меченного стража, что пришел в тюрьму и долго стоял по другую сторону решетки, изучая воришку, сумевшего его обчистить. Пристально так смотрел, с прищуром. А потом повернулся к стражнику на посту и бросил:

– Этого, – он ткнул пальцем в Тэда, сидевшего на прелой соломе в углу, – забираю с собой.

Охранник не успел ничего возразить, как Хьюго сжал кулак, а когда его пальцы раскрылись, из ладони полилось сияние.

Стражам Оплота не нужны ключи от замков. Им не нужны и разрешения, подписанные полисменами. Они выше законов простых смертных. Они – сами закон. Закон магического равновесия. Стражи Оплота, ловцы душ, мессиры – три опоры и залог того, что сектора не захлебнутся в водах, что не падут барьеры, что самые страшные преступники из людей и магов понесут наказание даже после смерти.

Вот только самих будущих ловцов порою не спрашивали – хотят ли они участи вершителей высшего закона. Да, в Оплоте были и те, кто грезил стать ловцами. Некоторых с радостью отдавали родители, едва у дитя обнаруживался дар. Вот только мало кто знал, что творится за Северным пределом. В течение долгих десяти лет из мальчишек ковали клинки. А методы… Не все ли равно, если в итоге выходила ладная и верная сталь?

Тэда тоже «ковали». И наставник, «создавший» его, поставил свое клеймо – татуировку во всю длину позвоночника в виде скьявона. Этот меч – символ ловцов, отражение их предназначения: карать и защищать. Набитый рукой мастера клинок выглядел как настоящий: порою капли пота сверкали словно

блики на кромке обоюдоострого меча, а защитная корзина на эфесе, что располагалась аккурат меж лопаток, была практически осязаемой. Иногда, когда позвоночник пронзала волна жара во время рейдов по сумеречному лабиринту, Тэду казалось, что он всего лишь причудливые ножны этого клинка.

Девица в постели сонно потянулась и что – то замурлыкала, но паршивые воспоминания уже взяли верх. Ловец попытался вытеснить их самым простым и действенным способом: подмял мягкое и податливое тело под себя.

Она была темненькая, с упругой грудью, привлекательная. Правда, лицо ее вчера Тэд не особо рассматривал. Его интересовало то, что пониже. А девочка попалась согласная на все. И это «все» он усердно вчера пробовал. И на подоконнике, и прижав ее к стене, пока они не добрались до кровати.

Сейчас, в утреннем сумраке, он удосужился взглянуть на ее мордашку. Ничего так. Высокие скулы, тонкие брови, чуть большеватый рот, которым девица вчера так усердно работала, что в уголках появились небольшие трещинки. Наверняка, сегодня ей будет не только больно сидеть, но и пить…

Впрочем, судя по тому, как она улыбнулась и раздвинула ноги, обхватив ими Тэда, чернявая ничуть не сожалела о проведенной ночи.

– Ты ненасытный, – начала она, выводя на спине любовника узор коготками и кошкой выгибаясь ему навстречу.

А Тэд уже завелся. Его тело напряглось в ожидании. В паху заболело до жара. Он навис над ней, готовый нырнуть в омут резких движений и судорожных вздохов…

Настырному вестнику было плевать на то, чем его адресат вот – вот собирался заняться. Он усердно замолотил своим металлическим клювом в стекло, грозя разбить его. Шестеренки под крыльями бешено вращались, железные крылья молотили по воздуху, и посыльный казался полным решимости донести «благие» вести до Теда.

– Вот смрадный лабиринт! – выругался ловец, скатившись с красотки.

Та обиженно простонала, но ему было плевать: случилось что – то из ряда вон, раз начальник столичного округа, мессир Логан, решил использовать механического посыльного, не доверив весть рукам обычного смертного.

Тэд распахнул окно, и пичуга, то ли проскрежетав, то ли чирикнув, выплюнула в его ладонь записку.

Ловец развернул скрученное трубочкой послание. Короткое, как всегда, и емкое. «Лич сбежал», – было выведено твердой рукой. Без подписи и даже без точки.

Его начальник был человеком прямым, как железный прут. Не кланялся в пояс вышестоящим, но и подчиненным спуску не давал. Этакий железный мессир, который в обращении с ловцами не миндальничал. Скорее, если уж он брал официальный тон, тогда стоило насторожиться.

– Извини, крошка, мне пора, – Тэд подхватил штаны и натянул их за долю секунды.

– Уходишь? – взвилась девица, поняв, что продолжения не будет. Она вскочила с кровати, откинув простыню, и выплюнула: – А деньги?

– О деньгах вчера речи не было, – усмехнулся он, выныривая из ворота рубахи. – Мы оба неплохо провели эту ночь…

Обманувшись в лучших чувствах (а самое лучшее из чувств – это любовь, пусть и к звонкой монете), она сверкнула глазами. Поняла, что получить все и сразу не выгорело, и выпалила, стараясь ударить побольнее:

– Сволочь, ублюдок. Да с таким, как ты, бесплатно ни одна шлюха из чернорудного квартала не легла бы!

Тут она откровенно кривила душой: ночь ей понравилась. Вот только девица рассчитывала, что помимо удовольствия ее ждет неплохой куш – ловцов жалованьем никогда не обделяли. А может, и вовсе удастся попасть в содержанки? Ее прошлый кавалер продержался всего несколько месяцев и щедростью не отличался. А сейчас и вовсе нашел Клотильде замену.

Вчера, после игристого вина, Кло подумалось, что зеленоглазый ловец, который подцепил ее у барной стойки, соответствовал званию счастливого билета в необременительную жизнь содержанки. К тому же красивый… Красивых она любила. Причем не смазливых рожей. Нет.

Этот был хорошо сложен, высок, с бесшумной походкой барса, постоянно готового как к атаке, так и к защите. Волосы цвета гречишного меда, слегка вьющиеся, обрамляли лицо. Зеленые, словно расплавленный изумруд, глаза ловца, казалось, гипнотизировали. Темные брови вразлет контрастировали со светлыми волосами. Тонкие, заостренные черты лица были способны в секунду превратить ироничного собеседника в невероятно опасного, решительного мужчину.

Вот только и время оставило на нем свои отметины: шрам, перечеркивающий левую бровь, вертикальная морщина на лбу – свидетель частых раздумий, следы ожогов на запястьях и предплечьях – явно приветы сумеречного лабиринта. Одним словом – ловец. Тот, в ком чувствовалась настоящая сила, которая и делает мужчину красивым, а не приторно – миловидным.

В общем, этот блондин устраивал Кло во всем, и даже больше. Ровно до его «мне пора».

Тэд ненавидел сцены. А еще – ложь. Он чуял ее, как гончая – затерявшийся меж листвы лисий след. Противно. Но и он, смрад подери, не благородный сэр с породистой родословной, а оттого подкинул на ладони пенс и положил его на прикроватную тумбочку.

– Твой гонорар, отработала.

Кло уставилась на монету. Ее, девицу легкого нрава из небедного квартала, оценили по меркам портовой шлюхи?

Да как он смеет! Кло набрала побольше воздуха в грудь, но было уже поздно: входная дверь в номер гостиницы средней руки хлопнула, оставив ее в компании механического вестника. Вестницы. Сороки.

Та раззявила свой железный клюв и заклекотала. В ее раскатисто – скрежещущем «киик» Кло уловила явно глумливые интонации и грязно

выругалась. А потом шестеренки посыльной закрутились, и она вылетела во все еще распахнутое окно.

Тэд уже забыл про вчерашнюю пассию. Размеренные вдохи и выдохи. Нужно как следует разогнаться, тогда вхождение в лабиринт будет не таким болезненным. Путь через серый пепел – самый короткий, но не самый безопасный. Да и воспользоваться им могут только ловцы, и то – не все.

Червоточина, появившаяся в воздухе от брошенного вперед сгустка заклинания, вмиг расширилась, раззявила свои хищные лепестки, и Тэд прыгнул в ее центр. Края дыры сомкнулись за его спиной, отсекая бегущего от обыденного мира.

Лабиринт Тэд не любил, и тот отвечал ему взаимностью. Но не всегда ли мы тех, кого больше всего ненавидим, знаем лучше всего?

В это же время, Хлоя Элгрис

Я приходила в себя рывками, словно утопленница, что в последний момент передумала умирать. То выныривала на поверхность, глотая ртом воздух, то вновь погружалась в бездну кошмаров. В те редкие мгновения, когда ко мне возвращалось сознание, перед моим взором вставал закопчённый потолок в разводах, покрытый вуалью из паутины. Голос с характерной старушечьей хрипотцой порою сетовал:

– Ну, давай уж, болезная, поправляйся. Или умирай, не мешай честным людям жить, – и в мой рот вливался то густой до смолы, тягучий и горький отвар, то вода.

Все же мне удалось выплыть из этого кошмара, а не утонуть. Наперекор самой себе не отправиться по путям лабиринта за грань.

В один из вечеров я окончательно пришла в себя. Открыла глаза. В каморке, что стала мне и лечебницей, и спальней, и трапезной, у стены посапывали, прижавшись друг к другу, двое мальчишек. Наглая облезлая полосатая кошка вылизывала свою лапу в углу. За тряпкой, что символизировала дверь, слышалось шкворчание, оттуда тянуло запахом прогорклого жира.

Я сглотнула и попыталась повернуть голову. Ровно в этот момент за занавеской что-то зашуршало. Морщинистая рука отдернула ткань, и в каморку вошла грузная и невысокая старуха.

– А, оклемалась-таки? – она уперла руку, в которой держала засаленное кухонное полотенце, в бок. – Ну, слава Престололикому! А то – ть Олаф все переживал, что рванешь…

– К – к – к – как рвану? – выдала я вместо приличествующего ситуации «где я?» и «что со мной?», столь велико было мое удивление от услышанного.

– Знамо как, полыхнешь и подожжешь все вокруг, – ответила старуха.

Мальцы сонно завозились, просыпаясь.

– Простите? – голос был словно чужой, а в горле при каждом звуке будто лезвием изнутри проводили.

– Прощаю, – великодушно отозвалась старуха, а потом, закинув полотенце на плечо, назидательно пригрозила пальцем: – Ишь че удумала, малахольная, убиться ей, видите ли, захотелось… Места другого найти не могла… Зачем под леса полезла?

– Я не… – попробовала было возразить, но старуха, видимо, державшая до этого свой гнев в узде (и правильно, что на бессознательную – то кричать?), сейчас отводила душу.

– Тебе может жизнь и не мила, а бригадиру… У него подряд, сроки, семья, дети… Ты башкой – то своей думала, когда самоубиться-то решилась? И ладно бы ты простая была…

Тут мне захотелось горько усмехнуться. Ну да, судя по всему, перепугавшиеся рабочие, поняв, что под завалами не оборванка, переполошились, что им влетит. Но дальнейшие слова старухи разрушили мое вроде бы логичное предположение.

– Когда поняли, что ты еще вроде как живая, вызвали целителя. Этот шаромыжник, который лечить – то толком не умеет, лишь амулетики свои прикладывает, и заявил: умирает маг, да к тому же и огненный.

Я все еще не понимала, к чему клонит старая. Судя по всему, увидев на моем лице полную растерянность, старая сжалилась:

– Ты откуда такая взялась? Вылупила на меня свои гляделки… Будто не знаешь, что маги просто так по путям лабиринта за грань уйти не могут – им силу девать куда – то надо. А ты рвануть могла. И это – рядом с наполовину построенной субмариной! Аккурат там, где все ихние моторы – двигатели, с уже сидящими внутри ентими демонами окаянными…

– Элементалями, – машинально подсказала я.

– …Вот – вот, енлименталиями, – крякнула старушенция. – Они же, собаки, наружу вырваться могли и весь корабль разворотить… Да Олафа за такое в кандалы бы и на каторгу.

Старуха выдохнула, видать, выговорилась, спустила пар и уже спокойнее спросила:

– Ну, ты как, умирать раздумала?

Для меня же сказанное оказалось ушатом ледяной воды, и вместо ответа я прохрипела:

– А почему я жива осталась?

Старуха нахмурилась, поджала губы, видимо, вопрос ей не понравился.

– Расскажу все, если пообещаешь не подыхать в ближайшую неделю.

Я кивнула, но, видя недоверчивое выражение лица хозяйки, для верности прохрипела «клянусь». Она же, ухмыльнувшись, развернулась и… ушла.

– А как же…

Я почувствовала, что меня надули самым наглым образом, когда в ответ из – за занавески донеслось:

– Так я же не обещала, что прямо сейчас. Мне недосуг пока с тобой калякать. Скоро придут на ужин, а кормить нечем.

Завозившиеся у стенки пацаны потянулись и сели, сверкнув голыми пятками и боевыми прорехами драных штанов, и на меня с любопытством уставились две пары абсолютно круглых глаз

Как тут же выяснилось, звали их Томом и Тимом, а старуху (здесь сразу два грязных пальца ткнули в сторону занавески) – Фло. Пацанам, с их же слов, недавно исполнилось семь, но скоро будет целых восемь, так что они совершенно взрослые. А еще они близнецы, и их часто путают. Неудивительно. Чумазые мордашки были похожи, как две капли воды, разве что у первого уже выпали два передних зуба, а второй щеголял фингалом. И оба страшно гордились своими отметинами. Им, в отличие от Фло, жуть как хотелось узнать что-то новое. А самым новым в этой каморке была пришедшая в себя я.

Они наперебой закидали меня вопросами: кто я, откуда, почему решила умереть (отчего и эти двое решили, что случившееся – мой добровольный выбор?), и правда ли, что в синематографе страх как интересно?

Признаться, последний вопрос окончательно поставил меня в тупик. Но за него – то я и ухватилась, как за спасительную соломинку: остальные заставили бы вспомнить о предательстве и смерти.

– А почему вы именно у меня спрашиваете про синематограф?

Тим авторитетно шмыгнул носом:

– Да только тебя принесли, сразу стало ясно, что ты из богатых… А они, знамо дело, по синематографам точно шляются… – он почесал макушку и солидно добавил: – К тому же простые люди так не разговаривают.

Видимо, под «простыми» пацан подразумевал себя.

– А как надо? – просипела я, решив поддержать разговор. Лежать, таращась в потолок и перебирая в голове воспоминания, от которых легко было сойти с ума, не хотелось. Уж лучше терзать свои связки и горло, чем душу.

– Если уважаешь человека, зачем ему в лицо «вы» говорить? – недоуменно, словно я спросила сущую глупость, сказал малец. – Вон, я Тому, – тут он ткнул пальцем в беззубого близнеца, – никогда не скажу «вы». И друзьям, и даже ба, всегда говорю «ты». А все потому, что я их у-ва-жа-ю, – в заключение протянул он.

Его слова заставили меня задуматься. А ведь и вправду: светское лицемерное «вы» позволяет отгородиться, создает барьер. Сразу же вспомнились бесчисленные гувернантки и бонны, которые обращались ко мне, малолетней, только на «вы». А если подумать, какое отношение имеет «вы» к сидящей на дереве и болтающей ногами в разодранных чулках пигалице?

Вдруг вспомнилось, как меня, испачканную грязью с ног до головы, бонна стаскивала с хряка. На этом почтенном складе будущего бекона я решила прокатиться с ветерком, начитавшись историй о бесстрашных кочевниках ушедших эпох. Мне тогда исполнилось семь. Хряк, которому была отведена почетная роль скаковой свинки, я полагаю, был не намного младше.

В загородном имении коней не держали. А вот хлев, вернее, сарай, где квартировали куры, хозяйничали козы и до этого счастливо жил свин, был. Он скромно стоял за полосой малинника и вишневым садом, дабы не раздражать своим видом хозяйские взоры. Но что такое полоса препятствий из зарослей малины для обладательницы пытливого детского ума?

И вот я, вооружившись поясом от маминого пеньюара взамен уздечки и прихватив папин кашемировый шарф вместо седла, пошла объезжать хряка. Боров до моего появления блаженно нежился в луже и похрюкивал от удовольствия. Как закрепляла на нем импровизированное седло и упряжь – отдельная история, но спустя полчаса я лихо скакала на взбесившемся свине, и мы горланили на всю округу в два голоса.

Пробороздили любимую мамину клумбу перед парадным входом в особняк, сорвали еще не досохшую простыню с веревок на заднем дворе и вспахали площадку для крикета, превратив ее в мини-поле для гольфа.

Когда же энтузиазм хряка иссяк, и он остановился, бонна стянула меня с хребта животины и начала отчитывать. Причем безо всяких «вы» и «ваша светлость». А матушка застала эту сцену. И родительницу больше поразило не то, что я кучу всего испортила, а то, что меня тянут за ухо, обращаясь при этом исключительно на «ты».

Эсма получила расчёт в тот же вечер. Мне было безумно ее жаль. Ведь она оказалась одной из немногих бонн, которая была не просто бонной, а кем – то большим. Я тогда, плакала всю неделю, прося матушку вернуть Эсму. Но родительница осталась непреклонной. И гордое материнское «прислуга должна знать свое место» я запомнила.

А вот сейчас, услышав от Тима, что «вы» – это обращение скорее лицемерное, чем уважительное, я подумала: а может, моя бонна просто была ко мне более человечной, душевной и искренней?

– А ты, между прочим, даже имя свое не сказала, – обиженно прищурился Тим. – А мы-то тебе сразу назвались, вот!

Он замолчал и выжидательное уставился на меня, впрочем, как и его брат.

Тишина, правда, длилась недолго, Тим не выдержал:

– Так как тебя звать?

А я отчетливо поняла, что не хочу! Не хочу возвращаться к своей прежней, пусть и обеспеченной, но фальшивой насквозь жизни. Туда, где меня обязательно вновь захотят убить. С губ сорвалось раньше, чем я успела подумать:

– Шенни. И, кажется, больше я ничего о себе не помню.

На лицах пацанов застыло разочарование. Глядя на их постные физиономии, я задала Тиму, как любителю поболтать, самый важный из мучивших меня вопросов:

– А что там такое с магией, и почему я должна была рвануть?

Как оказалось, пацаны знали если не все, то многое, и если Тим трещал, сдабривая правду изрядной долей домыслов, то поправлявший его Том помог мне понять, что же со мною произошло на самом деле.

Глава 2

В тот день Тим и Том занимались очень важными и ответственными делами. Сначала они пытались присоединить пропеллер от вентилятора, добытого на свалке, к спине пьянчуги Грока. Последний ничуть против такого бесчинства не возражал, пребывая сознанием в местах куда более приятных, нежели длинный, как кишка, и столь же широкий общественный коридор. Амбре дешевой сивухи свидетельствовало, что экскурс Грока по похмельным грезам будет еще долгим.

Костяной клей, щедро пропитавший сукно телогрейки, никак не хотел сочленять столь чужеродные друг другу предметы, как засаленная ткань и проржавевшая железяка. Но нет такого дела, которое было бы не по силам пытливому детскому уму. На подмогу клею пришла веревка.

Потом довольные собой близнецы приволокли откуда – то грязную банку из – под варенья. Соскребя с ее стенок остатки конфитюра и обмазав ими лицо Грока, они уже хотели смыться, как вдруг двери распахнулись, и в коридор ввалилась целая процессия: недовольно ворчащая Фло, просто любопытствующие, целитель и, наконец, тот самый Олаф со мной на плече.

Пацаны тут же получили по затрещине за «измывательства» и были отправлены гулять.

Но разве могут дети спокойно гулять на улице, когда в доме творится что-то интересное? Вот и Тим с Томом никак не могли оставить столь серьезное событие, как появление новой «квартирантки», без своего пристального контроля. А посему, едва пацаны оказались на улице, они припустили к углу дома, взобрались по матерящейся на все лады протяжным скрипом водосточной трубе, прокрались на четвереньках по широкому карнизу и засели на подъездной крыше, аккурат под окном кухни.

Шпионы из мальцов вышли преотличные, они почти дословно пересказали диалог.

– Вот, значится, тебя принесли, свалили на топчан, а этот, который лекарь, и говорит: «Не знаю, отчего отвар, который магию блокирует, слабо подействовал. Видать, дамочка его уже давно пьет», – шмыгнул носом Тим.

– А Олаф ему и отвечает: «А мне – то что с этого? Как теперечa самому быть – то?» – перебил его Том, тоже осмелевший и активно включившийся в разговор. – Ну, после этого целитель и выставил две здоровенные склянки с той микстурой, которой тебя бабушка Фло и поила все две недели.

– Ага, гад такой, еще за них десять пенсов содрал с дяди сверх уговоренного, – поддакнул Тим и возмущенно потряс в воздухе кулаком.

Но больше того открытия, что я, оказывается, принимала снадобье, блокирующее магию, уже давно, меня удивило другое:

– Две недели? – переспросила я ошарашенно.

– Ну да, – солидно подтвердил Тим. Он хотел еще что – то добавить, как занавеска отдернулась, и на пороге вновь возникла Фло.

– Ах вы, стервецы мелкие, – беззлобно начала она, для острастки потрясая внушительным половником. – Ишь, чё удумали! Не успела эта малахольная в себя прийти, так вы ее до смерти заболтать решили.

На ее гневную речь они лишь заулыбались, словно старуха их не ругала, а хвалила.

– Давайте живо за стол, ужинать. А потом отнесете водомерок в Кальмаровый переулок Щербатому Альку. У него сегодня ставки с утра принимают.

Близнецы просияли так, словно Фло заговорила не о каких – то водомерках, а по меньшей мере о золотом прииске, доставшемся пацанам по наследству. Однако озвучил общую мальчишескую радость более говорливый Тим.

– Сегодня будут бега? – его глаза сверкали азартом. – А можно нам будет до ночи остаться там?

Том в предвкушении потер ладони, тоже ожидая вердикта Фло.

Старуха усмехнулась и, нарочито пригрозив пальцем, все же дала разрешение, проворчав: «Смотрите там у меня.

Едва близнецы успели скрыться за занавеской, как оттуда донеслись звуки возни и звяканье ложек.

Фло же подошла ко мне и внимательно посмотрела сверху вниз. Она пристально разглядывала меня с минуту, которая показалась мне вечностью. Я даже сглотнула. Тишина давила на виски, и я уже была готова наплевать на страх и разорвать ее чем угодно: словом ли, всхлипом, когда Фло заговорила:

– Стало быть, Шенни? – она усмехнулась.

«Подслушивала», – догадалась я, испытывая робость, граничащую со страхом, перед этой невысокой грузной женщиной.

– Значит, Шенни, – повторила она, перекатывая имя на языке, а потом добавила: – Это моим внукам ты можешь врать, сколько угодно, но меня не проведешь.

Бряцанье ложек за шторой прекратилось, и я могла поспорить, что эти двое сейчас навострили уши. Но, видимо, бабуля знала внучков, как облупленных, потому, не повышая голоса, добавила:

– А если сейчас же не доедите, не уберетесь отсюда и не сделаете того, что я поручила, то никаких бегов водомерок вам не видать, как своих ушей!

За занавеской послышалось деловое и одновременно обиженное:

– Больно надо слушать, как лясы точат, у нас тоже свое дело есть.

– Да знаю я ваше «дело», – фыркнула бабушка. – Только и знаете, что перед подъездом новости стряпать. А мне потом перед соседками красней.

Перепалка закончилась прозаически: вместе с кашей. О ликвидации подчистую последней сообщил лязг ложек о металлическое днище мисок. А потом озорное:

– Ба, мы побежали, – и топот босых ног о половицы.

Старуха повернулась ко мне.

– Так, на чем это мы остановились? – глянув на притихшую меня, она присела рядом на край топчана. Ее руки сразу же потянулись к железной ложке и пузырьку с мутной жидкостью, что были приткнуты на табуретку рядом с моим изголовьем. Фло откупорила склянку и, накапав лекарства в ложку, поднесла ее к моим губам:

– Пей и не сопротивляйся, – приказала она.

Во рту разлилась горечь и я, закашлявшись, спросила:

– Что это?

– Тебе должно быть хорошо известно, что это, – передразнив меня, начала старуха. – Ведь подобное лекарство, если верить целителю, ты принимала каждый день не менее трех лет. Оно гасило твою магию.

– А зачем мне его сейчас?

– А чтобы ты не рванула. Сказали постепенно, если оклемаешься, уменьшать дозу, а если помрешь – хоть не полыхнешь, – бесхитростно пояснила старуха.

С каждым ее словом вопросов у меня становилось все больше, однако и у собеседницы их оказалось изрядно. Впрочем, задавала она их в столь интересной манере, что они звучали скорее как ультиматум:

– Говоришь, что окромя имени ничего не помнишь? Ну – ну… Да и имечко явно не настоящее. Ты на него даже не откликаешься с первого раза. Рассказать правду-

то не хочешь?

Я лишь упрямо сжала губы и мотнула головой, а потом в свою очередь задала встречный вопрос:

– А зачем вы меня выхаживаете?

– За платой, – искривила губы старуха. – Олаф, племянник мой, и заплатил. Не захотел грех на душу брать. Целитель ведь тебя напоил зельем, чтобы, значится, ты не рванула, когда помирать будешь… Олаф-то мог бы тебя по – тихому и скинуть куда-нибудь так, чтобы тела не нашли. В канаву какую, где бы и окочурилась. А он нет же, заладил: если на то воля Престололикого, чтобы ты жила, пусть так и будет. Дал мне денег, чтобы тебя выходила, и за микстуру заплатил, на всякий случай: если бы ты все же помирать надумала, то дом бы мой не спалила…

Ее откровенность была столь же цинична, сколь и правдива. И вот эта неприкрытая лестью и ложью правда отрезвила почище пощечины.

А старуха внимательно смотрела на меня, выжидала:

– Ну так как, не хочешь назвать настоящее имя?

– Шенни, – упрямо повторила я.

– Ну Шенни, так Шенни. Только учти, Шенни, – она хмыкнула, – я в своем доме дармоедов не терплю. Пока отлеживайся, а если хочешь остаться, то придется отрабатывать свой кусок хлеба.

– Хорошо, – согласилась я.

Фло потерла кончик длинного крючковатого носа:

– Мое дело предупредить. Ты же не из простых… По одёже было видно и по холеным ручкам… Так что смотри сама, сдюжишь ли? – провокационно закончила она.

Я слабо кивнула, и старуха уплыла на кухню. Вскоре оттуда послышался бас, бренчание посуды, а потом и вовсе потянуло крепким табачным дымом.

А я лежала, таращась в потолок и осмысливая услышанное. Выходило, что мой муж планомерно потчевал меня блокатором магии, который, надо полагать, помимо всего прочего, сказывается и на здоровье. Ведь болеть я начала как раз после нашей свадьбы. Правда, и на скромном венчании, состоявшемся через приличествующих полгода после смерти отца, я уже чувствовала себя неважно, но списывала это на боль утраты. А ведь будущий супруг каждый день приезжал к нам на послеобеденный чай и лично заваривал «тейнеширский сбор» для укрепления моего пошатнувшегося здоровья.

Зато моя маменька была счастлива. Она промокала кружевным платочком невидимые слезинки и все причитала, что теперь у нашей семьи появился тот, кто сможет о нас с ней позаботиться. Родительница и тогда, наверняка, как и сейчас, не чаяла души в Греге. Как же, хороший юноша, из респектабельной, богатой семьи… На такого можно положиться. Как оказалось, на него не то что положиться, даже опираться не стоило.

Так зачем, зачем ему было меня убивать? Неужели из – за любовницы? Слезы беззвучно потекли по моим щекам. Я плакала и еще не подозревала, что под «отлежишься» старуха подразумевала лишь эту ночь.

А утро началось с ворчливого:

– Подъем!

Заспанный мозг не успел возмутиться такому произволу (кромешная же темень!), а тело уже начало подниматься. С кряхтением и стонами, но все же. И только сев на своей лежанке, проснулась окончательно и сообразила, что вроде как я больная и чуть ли не при смерти.

– Вот то – то же! – назидательно приветствовала меня старуха. – Башка, она, когда думает, дурит много. А тело, тело-то лучше знает, что ему уже можно, а что нет…

Я с сомнением посмотрела на хозяйку.

– И нечего на меня зенки пялить. Вон, роженицы через час с постели встают и ходють, дитя трясут. Думаешь, это оттого, что все вокруг изверги? – не дождавшись моего ответа, Фло продолжила: – А вот и нет… Работа посильная, она быстрее любого отлеживания боков хворь прогоняет.

Выдав сию умную мысль, старуха вручила мне линялое, но крепкое (пятерка заплаток – ерунда, они только шарму придают, как заверила меня дарительница) платье и косынку.

На мое несмелое: «А как же мое…», Фло лишь уничижительно фыркнула и заявила, что постирала, заштопала и продала все старьёвщику.

– Тряпки дорогие, но бестолковые, а деньги на твой прокорм были нужны, – прошамкала она через плечо, уходя из каморки.

Тима и Тома не было. То ли они уже удрали по своим делам, то ли еще не вернулись с водомерочьих бегов.

Как я вставала с топчана – отдельная история. Сага. Я чувствовала себя воином прошедших эпох, экипированным в полный боевой доспех с забралом, нагрудником, набедренником и латными перчатками. Причем доспех этот проржавел насквозь и еле проворачивался на шарнирных креплениях, так и норовя заклинить намертво.

Вот так вот, через силу, я одевалась. Когда же облачение завершилось, то поняла, что надеть платье – еще не значит быть в нем. Обновка оказалась столь широка, и с таким откровенным вырезом, что норовила миновать мое щуплое тело и улечься грудой на полу.

Но я нашла выход: подпоясалась так, что тесемки обвивали мое тело, начиная от линии под грудью и заканчивая собственно талией. Косынку же использовала и вовсе не по назначению: накинула на плечи, чтобы прикрыть ту область, которую некоторые оптимистично настроенные в мой адрес мужчины именовали «декольте». Не то, чтобы груди у меня совсем не было, но… Маменька всегда вздыхала и просила модисток поколдовать над фасоном, чтобы оная часть дамского образа была более впечатляющей.

В нынешней же ситуации вырез превосходил самые смелые ожидания, грозя перейти в категорию кошмаров, и косынка оказалась как нельзя кстати.

Когда я тихонько вошла на кухню, Фло суетилась у плиты, повернувшись ко мне спиной, а за небольшим, но добротно сколоченным столом восседала шикарная блондинка в розовой комбинации.

Красавица манерно сморщила носик, поднеся к лицу чашку с напитком, от которого исходил пар и, сложив губы трубочкой, протянула:

– Ну, ба-а-а, опять чай? А нет чего покрепче?

– Могу дать орех, – не оборачиваясь, отбрила Фло.

Я усмехнулась, и на этот звук обернулись и старуха, и красотка. И если Старуха ничего не сказала, то блондинка выразительно хмыкнула, окинув меня взглядом из разряда: надоели эти нищенки на паперти.

Сказать, что к такому презрению я не привыкла, значит, ничего не сказать. Да, я далеко не идеал, но я была любимой дочкой и, как мне до недавнего времени казалось, обожаемой женой.

Под презрительным взором девицы я стушевалась. Захотелось ответить колкостью, но язык словно прилип к небу, а в голове, как назло, не было ни единой мысли, кроме как: «Не стоит дерзить тем, кто дал тебе кров». Зато, в отличие от меня, старуха Фло рефлексией не страдала и назидательно произнесла:

– Ничего страшного, когда над тобой смеются. Главное, чтобы не плакали, – а потом с нажимом добавила: – Правда ведь, Марлен?

Блондинка отчего – то смутилась и поправила бретельку комбинации.

– А ты чего встала столбом? – это уже старуха обратилась исключительно ко мне. – Живо за стол завтракать. Все уже в доки ушли, одни вы, бездельницы, – тут она еще раз зорко глянула на Марлен, – прохлаждаетесь.

– Мне в кабаре раньше полудня и не надо. Репетиции никто в такую рань не назначает, – блондинка напоказ зевнула.

– Репетиция у нее, вишь ли! – фыркнула Фло. – А у меня рынок!

Хозяйка загремела крышками. Садилась я с такой же черепашьей скоростью, что и одевалась, и опустилась на табурет ровно тогда, когда передо мною поставили тарелку с кашей. Горячий разварившийся овес в иные времена отбил бы у меня всякий аппетит (к слову, последним я и так «страдала» крайне редко), но сейчас я поняла, что лучшая приправа к любому блюду – это голод. Мой желудок согласился с сей умной мыслью и поддержал ее руладой, а рот и вовсе наполнился слюной.

Каша оказалась сытной и вкусной. Я сама не заметила, как выскребла ее до донца. Да и много ли ее там было?

– Больше не дам, – ответила на немой вопрос Фло. – Тебе много сразу нельзя: кишки от счастья ополоумят, да и свернутся узлом.

Марлен, наблюдавшая за нами, снова хмыкнула. Она успела пригубить чаю и сейчас сидела и полировала ногти.

– А ты не хмыкай, вертихвостка. У меня и для тебя работа найдется. Вон, примус нечищеный стоит.

Марлен скривилась, словно отхлебнула из бокала уксуса на светском приеме, когда прозвучал тост за здравие монарха. Такой глоток и выплюнуть нельзя, и проглотить сил нет.

– А ты пока посуду помой, – это уже старуха обратилась ко мне.

Фло словно не сомневалась, что все, сказанное ею, будет исполнено в точности. Она повернулась к нам спиной и, подхватив корзину, зашаркала к двери. Когда Фло выходила, я увидела, что за порогом кухни – длиннющий коридор, по обе стороны которого – двери, двери и еще раз двери.

Старуха ушла, а мы остались с блондинкой одни. Пауза затягивалась, осенняя толстая муха под потолком жужжала, давя на нервы, а Марлен зябко передёргивала плечами в своей не самой дорогой комбинации из искусственного шелка.

Я вздохнула и попыталась встать. Перемыть гору посуды, что возвышалась возле мойки – задача, сравнимая с покорением барьера, но деваться мне было некуда. И вот, когда я, полная решимости умереть, но сделать миски и плошки чистыми, похромала к мойке, Марлен неожиданно сказала:

– Давай я перемою.

Я изумилась: с виду эта девушка была сущей белоручкой…

– Да не смотри на меня так. Что я, зверь, что ли, знаю, какой тебя сюда принесли. Весь дом в курсе. Просто с бабулей Фло… Она порою чересчур строга бывает, хотя и справедливая.

Из всего сказанного я уцепилась лишь за «бабулю».

– Она и тебе бабушка? – удивилась я.

Блондинка хохотнула:

– Да она тут всем бабушка, ба, бабуля. Всему дому. Она – его негласная хозяйка. Четыре этажа – вот ее царство, в котором слово Фло – закон. А эта кухня – своего рода кабинет, куда пускают избранных.

– А Тим и Том, они же называли ее…

– Близнецы? – перебила Марлен серьезным тоном. – Да Фло для них больше, чем бабка, она для них почти что мать. Родная-то мамашка подкинула их, новорожденных, на порог этого дома. Фло нашла и…

Она рассказывала и ловко споласкивала в медном тазу миски. Лишь изредка дергая плечиком, с которого то и дело соскальзывала бретелька.

Как оказалось, этот дом был построен почти век назад как общежитие для рабочих, но с тех пор сильно изменился. И дело не в том, что он изрядно осел, а черепица на крыше поросла мхом. Сменились жильцы. Удалые дебоширы – рабочие обзавелись семьями, родили детей, постарели, да померли. Их дети разъехались в погоне за звонкой монетой. Кто – то остался тут и пошел на те же верфи, что и отцы… Своих детей народили. И так по кругу: комнаты этого дома повидали уже несколько поколений хозяев.

В один из дней пришла под эту крышу и Фло. Тогда еще не старуха, а молодая женщина с уже выбеленными сединой волосами… Одна была одна, но сумела пустить здесь корни. И дом принял ее. У редкого дома есть свой дух. Даже аристократы за большие деньги не могут купить его для своих особняков, а у этой развалюхи оказалось, что он был.

Все, кто поселялся тут, величали ее кто бабушкой, кто теткой: кому что ближе. Но каждый признавал ее власть.

– А почему ты тогда так себя с ней…

– Вела? – подсказала Марлен, ловко орудуя тряпкой. – А это у меня привычка… В кабаре надо быть капризной и немного вздорной. Набивать себе цену. А то будут думать, что ты – безотказная и на тебе всегда можно выехать… А тут, приду и забуду, что я уже не на работе. Вот по привычке, бывает, и вздорим с Фло.

В дверь заглянул бородатый мужик, увидел Марлен в комбинации, одобрительно хмыкнул и, пошарив взглядом по кухне, спросил:

– А Фло где?

– Ушла на рынок, – лаконично ответила блондинка.

– Жаль, – здоровяк почесал затылок и ретировался.

А мне стало любопытно:

– Марлен, а тебе и правду наплевать, что тебя могут вот такую, полураздетую, увидеть посторонние?

– Не завидуй! – беззлобно ответила красотка, домыв последнюю ложку.

После этого она торжественно водрузила передо мной примус и ершик.

– А теперь твоя очередь. Чистка примуса сил особо не требует. Только терпения. Так что дерзай.

Спустя минуты мы остались в кухне одни. Я и изрядно подкопчённый примус. Нерешительно взяла в руки ершик, даже приблизительно не представляя, где им именно нужно чистить. Провела по боку, потом по второму. Примус чище не стал.

Я решила, что раз ершик, значит, им чистят что – то внутри. Наклонилась над примусом, задумчиво глянула на горелку и только занесла ершик над конфоркой, как из стены прямо на меня вывалился полупрозрачный мужик, у которого вместо головы имелся лишь череп с патлами волос и черными провалами глазниц.

Я испугалась. До одури. Не закричала я лишь по одной простой причине: мне было некогда. Я горела: В моей ладони сам по себе вспыхнул огонь, как бывает у магов, что создают пульсары. Рука, державшая ершик, сейчас напоминала факел.

Полупрозрачный был нервами послабже меня, ибо раззявил рот и заорал. Хотя, может это он так отреагировал на еще одного участника действа, вынырнувшего буквально из воздуха.

Второй гость оказался весьма материален и зол. И ему было наплевать на объятую огнем девицу, зато за свою добычу он ухватился цепко, накинув на нее магический аркан. Призрак, в свою очередь, отчего – то жутко не хотел воссоединяться со своим преследователем и не нашел ничего лучшего, чем вцепиться в меня.

Его эфемерные на взгляд, но совсем даже материальные по ощущениям руки сомкнулись на моем горящем запястье.

Теперь взвыли все. Я – оттого, что огонь, который до этого полыхал на моей коже, но не жег, сменился вымораживающим холодом. Ледяная корка начала распространяться от костлявых пальцев призрака выше по моему предплечью. Сам дух, видимо, оттого, что пламя его все же изрядно обожгло, а белобрысый незнакомец – от натуги. Теперь блондин с яростью тянул на себя одной рукой уже нас двоих. А вот то, что появилось у него во второй…

О ловушке для душ слышал каждый. Ею пугали малышню, к ней с суеверием относились старики, о ней сплетничали на базарах и перешёптывались на суаре… И каждый знал – нет страшнее наказания, чем оказаться замурованным в этом невзрачном с виду артефакте.

Шкатулка из мертвого дерева, что не тонет, не горит и не стареет под натиском времени. Размером чуть больше ладони, она была способна затянуть в себя сотню бывалых воинов, если не корабль. А вот выпустить… Выпускала она только души. Такова была шутка ее создателя. Но, несмотря на «милый» недостаток, сию карманную тюрьму уважали и использовали ловцы. И весьма активно.

И вот сейчас одна магически одаренная сволочь пыталась меня упрятать в эту самую тюрьму в довесок к чьей – то неуспокоенной душе.

Я разозлилась. Так, как не злилась еще никогда. Я выжила не для того, чтобы так бесславно закончить свой век.

Вторая моя рука, державшая примус, полыхнула. Пламя облизало серый потолок, но мне было не до этого. Я занесла примус над черепом призрака и, позабыв о том, что дух вроде бы не совсем материален, обрушила на горелку на череп выходца из могилы. Та же, перевернувшись, вылила на башку призрака остатки тут же вспыхнувшего керосина.

Как оказалось, и эфемерные духи умеют гореть. А отчаявшиеся девицы – лупить до одури. Нас так и потянуло, как в воронку торнадо. Горящего призрака, меня, остервенело молотящую по его костяному кумполу и собственно орудие ближнего боя – примус. Сказать, что я покорно утягивалась, значит оскорбить. Я упиралась пятками, вырывалась, как кошка, перед мордой которой встала угроза очередного омовения.

Единственное, все было зря. Нас с призраком неудержимо засасывало в черное чрево этой проклятой шкатулки. Мой отчаянный крик слился с воем духа, которого уже поглотил артефакт. Лишь его полупрозрачная кисть все еще была сомкнута на моем запястье и тащила меня внутрь не хуже, чем буксировочный трос баркаса. А это значит – я стояла следующей в очереди на заселение в весьма перспективную жилплощадь. Оная гарантировала постояльцам пожизненное проживание без угрозы выселения. Но я оказалась несознательной квартиранткой и ненавистницей переездов.

Замахнулась примусом в последний раз, целясь по костлявым фалангам призрака. Умом понимала, что это уже бесполезно, но тело отчаянно хотело жить. И в этот момент шкатулка захлопнулась, оттяпав полупрозрачную кисть от самого духа.

Вот только примус, который начал свой стремительный полет по дуге, я уже была не в силах остановить. Он, вобрав в себя все мои отчаяние и злость, описал полукруг, а белобрысая макушка ловца показалась этой жестянке отличной альтернативой призрачной пятерне.

Стыковка прошла удачно. Не хуже встречи на самом высшем уровне. Обе стороны остались под впечатлением. Примус – погнул в радостном приветствии днище. Ловец обзавелся весьма солидным приобретением – шишкой.

Звук же от радостного воссоединения вышел таким звонким, что я не смогла машинально не отметить: степень наполненности обоих «сосудов» примерно одинаковая.

Незваному гостю здорово прилетело от щедрот моей испуганной души. Оная же сейчас так прочно укоренилась в пятках, что не желала выбираться из столь надежной и спасительной части тела ни за какие коврижки. И правильно делала. Потому что только после звучного «дзинь» я осознала, что напала на ловца душ при исполнении.

– Твою же… – выдал вместо приветственной речи пострадавший, потирая набухавшую прямо на глазах шишку.

– И вам доброго утра, – машинально ответила я, прижимая к груди примус.

Огонь на коже, словно усовестившись, утих, и сейчас мое одеяние напоминало половую тряпку с напрочь сгоревшими рукавами и кучей здоровенных, кое-где тлеющих дыр. Призрачная кисть, что держала мою руку, начала медленно истаивать, а ее хватка – ощущаться все слабее

– Самая воспитанная? – злобно процедил блондин, оценив мое приветствие.

В отличие от подпаленной меня незваный гость был одет весьма прилично: ботинки добротной кожи, брюки, рубашка, пиджак, и даже внушительное кольцо – печатка с головкой в виде черепа – знак ловцов душ – наличествовало на указательном пальце. Вот только вся эта приличная одежда пропиталась какой – то странной серой пылью с запахом тлена.

– Ну, если не самая красивая и не самая умная, значит да, хотя бы самая воспитанная, – я решила, что лучше согласиться с этим опасным типом.

Ловец, к слову, до этого сраженный моим ударом, начал подниматься.

Когда он встал, то оказалось, что блондин на голову выше меня. У Грега было красивое тело: в меру подтянутое, в меру лощеное. Но до этого момента я и помыслить не могла, что между «красивым» и «совершенным» – целая пропасть. Ловец имел именно совершенное тело. Его фигура таила в себе мощь и силу. Под тканью чувствовались тренированные мышцы, его кожа, расцелованная загаром, отливала бронзой.

Шаг, второй, он оказался рядом со мною так быстро, что я и глазом моргнуть не успела. Вот он вроде бы еще только распрямляется – и уже схватил меня за подбородок.

– Значит, милая воспитанная малышка, – он запрокинул мне голову. – Люблю таких. К тому же со смазливой мордашкой и острым язычком. А ты знаешь, что полагается по закону за нападение на ловца при исполнении?

Я сглотнула. До этого никто ни разу в жизни не заговаривал со мной таким тоном. Провокационным и злым одновременно.

– Но ты можешь рассчитаться со мной… – его большой палец с нажимом прошелся от моего подбородка до выреза, недвусмысленно намекая на вариант и размер взятки.

Я же, решив: «Была не была, все равно один раз я на него вроде как уже напала», – что есть мочи саданула коленом в пах, и когда блондин, от неожиданности охнув, согнулся, стремглав вылетела за дверь.

Сердце бешено колотилось. А в голове набатом стучала мысль: ну как же так? Ловцы – это же опора империи. Мне всегда говорили, что они честные и благородные маги, которые защищают закон и порядок в стране. Хотя до этого я ни с кем из них лично не встречалась, но отчего – то не хотелось верить, что и в этом моем убеждении я обманулась.

Я пролетела по коридору, застучала пятками по лестнице и выбежала на улицу. Туман и холод, враз окутавшие меня, заставили чуть остыть. А спустя две сотни шагов – и вовсе обхватить зябнущие плечи.

Когда я окончательно успокоилась и повернула обратно к дому старухи Фло, в моей голове созрело, как мне тогда казалось, самое верное из решений.

Тэд

Он гнался за сбежавшим из плетения дамбы духом по лабиринту. Его окружали смрад и тлен. Иллюзии то ли его прошлого, то ли игра сознания – всплывали далекими миражами и близкими отражениями, вдруг становящимися зеркалами стен.

Здесь легко потерять разум, да и тело. Лабиринт. Мир без теней. Место, где нет пространства и времени. Пограничье двух миров. Пристанище душ, которые хотят скрыться от закона или не могут уйти дорогой вечного сна из реального мира.

Его запутанные ходы пронизывают пространство, и чем ты лучше их узнаешь, тем больше теряешься. И если у тебя нет якоря, то однажды заблудишься в ловушках лабиринта навсегда.

Тэд бежал за призраком и старался выкинуть из головы мысли об этом гребаном якоре. Зачем думать о том, чего у тебя нет, и вряд ли будет?

В Оплоте из них ковали идеальных воинов. Тех, кто способен служить, тех, кто сможет вынести сумрак лабиринта и найти в нем путь. Но вот насмешка судьбы – самые совершенные клинки порою ломались первыми. Не от непосильных нагрузок, но от каждодневного искушения лабиринта.

Но только мессиры будущим ловцам не объясняли, что совершенствовать нужно не только тело, но и дух. Зачем? Воин выполнил свой долг. Воин может умереть. В случае Тэда – потеряться в переулках лабиринта.

Он знал, что это произойдет рано или поздно, но не сейчас. Еще не время. Однако ловец чувствовал, что уже скоро. Слишком часто он здесь бывал. Поначалу гордясь, что ему, одному из лучших в выпуске, дают самые сложные задания. А потом за наградами и похвалой начала проглядывать правда: его спешили использовать по максимуму. Пока он не сломался.

Его начальник, не привыкший выплетать красивое кружево лживых фраз, однажды, вызвав его в кабинет, прямо в лоб заявил, что Тэд обязан найти себе якорь. Ловец лишь усмехнулся.

Якорь… безднов якорь. Это может быть дорогой сердцу предмет. Хоть памятная чем – то пуговица от драных кальсон, хоть образ старухи матери. Главное, чтобы воспоминания об этом самом якоре смогли вытеснить лживые образы лабиринта. Отсечь иллюзии от реальности.

А у Тэда привязанностей, что держат на этом свете крепче стальных канатов, не было. Предметы? Тьфу. Беспризорник потерял память о таких вещах еще на улицах в воровскую бытность. Мать? Та шлюха из борделя, которая выкинула его, семилетнего, на улицу? Друзья, что почти все утонули в тот проклятый день последнего отбора? Подружки на одну ночь, с которыми он старался забыться?

Тогда, в кабинете начальника, на прямой приказ найти якорь Тэд столь же прямо и ответил, что не может. Некого. Да и желания нет.

Мессир, уже в годах, грузный, с вислыми моржовыми усами, разозлился и, ударив кулаком по столу, заявил, что ему надоело укладывать молодых

мальчишек, находящихся в его подчинении, в гробы по причине их собственной дури.

– Что я могу поделать? – усмехнувшись, развел руками Тэд.

– Что, нет бабы, которая бы тебе дорога была? – подозрительно уточнил начальник.

– Нет.

– Значит, иди и трахни парня, если из девок тебя ни одна не цепляет.

Ловец закашлялся, а мессир, почувствовав, что хватил лишку, чуть тише добавил:

– Ну, или заделай какой-нибудь шлюхе ребенка. Может, хоть дитя тебя удержит на этом свете?

Тэд тогда лишь зло сцепил зубы. Да, он был далеко не безгрешен, скорее уж наоборот. Но ловец точно знал, что лучше сдохнет в лабиринте, чем ради спасения собственной задницы породит на свет ублюдка от какой-нибудь девки. Своей судьбы сыну он не желал. А появись на свет девочка… Ее участь могла оказаться еще более незавидной.

Сейчас Тэд гнался за душой сбежавшего малефика, посылая к морским демонам мысли об этом сволочном якоре. А впереди маячил силуэт призрака, что при жизни смертельно проклял не одну сотню безвинных. Этот малефик в свое время был пойман ловцами и осужден на пятьсот лет. Сначала – живым: каждый день заключенный вливал свою силу в нити плетения барьера, а после смерти – в виде духа оказался внутри канвы заклинаний водной преграды, что удерживала сектора от затопления.

Обыватели зачастую не знали об этой особенности барьера, который был одновременно и тюрьмой для душ, считая, что прозрачная стена – творения давно ушедших светлых магов. В какой – то мере так оно и было. Когда – то. Но вечного нет ничего. И Оплот со временем стал не только следить за тем, чтобы маги не преступали закона, но и использовать души провинившихся во благо

живущим.

Призрак словно почувствовал, что его настигают, и совершил отчаянный прыжок. Гад оказался сильным. Настолько, что сумел вырваться в материальный мир. Тэд без раздумий сиганул за ним и вывалился в реальность в какой – то замызганной кухне, где помимо призрака обнаружилась девица.

Не теряя времени, Тэд отточенным движением кинул магический аркан, и тут призрак решил показать во всей красе свой паскудный нрав. Дух вцепился в пигалицу, что стояла посреди тесного помещения в своем убогом балахоне с горящей рукой. Огненный маг, чтоб ее! Призрак, не будь дурак, не просто ухватился за нее, но и стал тянуть силы из девчонки, становясь все более материальным.

Ловец понял, что она – уже не жилец, но малышка умудрилась его удивить. Не растерялась и облила давно сдохшего малефика керосином. Секунды хватило, чтобы достать ловушку для душ. А дальше… Тэд сконцентрировался на том, чтобы захлопнуть крышку ровно в тот момент, когда малефик окажется внутри, а пигалица – еще нет. За что и поплатился.

Несмотря на то, что огненная была девицей мелкой и тощей, рука у нее оказалась тяжелой. Но больше всего Тэда разозлило, как она отбрила его едкое «…самая воспитанная». Это вместо благодарности за спасение. Захотелось проучить эту выскочку. Как следует напугать.

Но когда он прикоснулся к девчонке… Он сам не ожидал от себя такой реакции. Тэду захотелось прижать ее к стене, придавить весом своего тела. Такое с ним было впервые. Желание. Острое. До рези. Отдающееся покалыванием в кончиках пальцев, жаром в паху.

Нет, после лабиринта ему часто хотелось драки или секса. Чтобы забыть о смраде и тлене посмертных путей. Почувствовать себя живым. На худой конец сытной еды, вина, чтобы восстановить резерв. Хотя умелые женские ласки в этом плане были ничуть не хуже.

Но вот так, как сейчас… Сводяще с ума – впервые. Тэд прикрыл глаза. Отгоняя наваждение, и еще сильнее – непрошеную мысль, что сумасшествие лабиринта все же решило настигнуть его раньше положенного срока. За потерю

бдительности он и поплатился, ощутив мгновение спустя острое колено меж своих ног.

Она удрала. Прошуршала подолом платья, которое было ей чересчур велико, по полу, как крыса хвостом. Ловцу осталось лишь выругаться. А потом, разогнуться после удара мелкой коленом туда, куда бить не принято, прошипеть и, сцепив зубы, выйти из дома.

Оглядевшись и поняв, в какой из секторов его занесло, он поспешил в управление. На этот раз не ходами лабиринта, а как обычные люди – батискафом.

Час спустя шкатулка с пойманной душой лежала на столе его начальника, а карман ловца оттягивала внушительная премия. Вот только тратить ее у Тэда желания не было. Его желания во всех смыслах этого слова отбила сегодняшняя пигалица.

– Спать. Похоже, все дело в том, что я не выспался, – решил для себя Тэд, переступая порог собственной квартиры.

Это было его логово. Берлога, убежище, в которое он никогда не приводил подружек. Съемный номер отеля, комната в борделе или апартаменты очередной пассии – все что угодно, даже магомобиль или ниша в коридоре, только не его жилье. В его квартире царствовала только она.

Огненно-рыжая, с хитрой мордой и пушистым хвостом. Владычица покоев ловца выбежала встречать хозяина, едва тот переступил порог. Кошка льнула к нему, выпрашивая не еду, ласку.

Тэд усмехнулся и подхватил рыжую на руки. Та довольно заурчала, словно внутри нее завелся особый мотор, и начала тереться мордой об хозяйскую грудь.

Кошка была такой же беспризорницей, как некогда и сам Тэд. Он подобрал ее на улице еще тогда, когда надеялся, что сумеет найти якорь. Не среди людей, которые ему, в сущности, были безразличны…

Бариста с задачей почти справилась… Но главным тут было «почти». Привязанность к кошке оказалась все же слабее, чем иллюзии лабиринта. Это Тэд понял, когда в одной из головоломок сумеречных улиц не смог отличить свою рыжую от второй такой же, иллюзорной. Тогда он понял, что затея с кошкой провалилась. Но гнать ее из дому не стал.

Рыжая так и не поняла, что над ней пронеслась угроза выселения. Наоборот, она хотела обжиться тут как можно лучше и даже по весне намекала хозяину, что пора бы обзавестись котятами… Но тот оставался глух к воплям материнского инстинкта и лишь усыплял женскую кошачью суть заклинаниями. До следующего раза.

Тэд сменил воду в миске и положил кусочек загодя приготовленной рыбки Бариште, а сам отправился в ванную, где чуть не уснул, разомлев в теплой воде. Решив, что умереть, захлебнувшись в собственной ванной – глупее не придумаешь, Тэд перебрался на кровать и провалился в сон.

Они лежали неподвижно, вдыхая пряный аромат ночи, закрыв глаза. Их разделяла лишь тонкая ткань батиста, а соединяло… Соединяло тепло, желание и готовая вот-вот вырваться наружу страсть. А пока… Тэд провел пальцами по женской груди. Он не открывал глаз, наслаждаясь лишь прикосновениями.

Вот так, с опущенными веками, отдавшись на волю воображения, он смаковал каждый миг этой ночи. Ощущение нежной кожи, сосков, что становится тверже от невесомых касаний – все это заставляло его кровь течь по жилам быстрее.

Он приподнялся на локте, медленно, словно пробуждаясь ото сна, открыл глаза и посмотрел на нее. Она улыбалась. Ее опущенные темные пушистые ресницы, ямочки на щеках, выбившаяся каштановая прядь – богиня во плоти.

Он склонился над ней, и прикоснулся губами к ее губам. Почти невесомый поцелуй, заставивший ее открыть глаза. То ли вздох, то ли стон разнесся по комнате тихим эхом, отразился от штор, соскользнул с карниза полуночным вором.

От прикосновения его горячих губ она вздрогнула, а когда он опустился на нее сверху – Тэд буквально кожей почувствовал, что ее, напротив, окатила волна

жара.

Их лица замерли друг напротив друга. Ее глаза, в сапфировых озерах которых плескалось желание. Его глаза, в которых притаилась страсть предвкушения.

Ночь не дарила прохлады. Тонкие простыни сейчас казались для них раскаленным песком. А единственным спасением было прижаться друг к другу как можно ближе. Разделить один вздох на двоих.

Но Тэд медлил. Ловил секунды мучительного наслаждения, отдаваясь влечению, словно приручая ее, будто настраивая ее тело подобно тому, как музыкант – свой инструмент.

Странное оцепенение разжигало огонь внутри лучше любых поцелуев и ласк. Ее податливость. Его желание обладать.

И все же он не выдержал. Едва коснувшись губами ее уха, он прошептал:

– Моя…

Эти звуки заставляли ее сердце биться еще чаще, а тело выгибаться навстречу. Она прижалась к нему еще теснее. Его рука, начавшая свое путешествие с затвердевшей вершинки соска, спускалась все ниже и ниже по тонкой талии, округлому бедру и, наконец, замерла на колене.

Он провел ладонью по коленной чашечке, словно дразня, а потом его пальцы невесомо коснулись впадинки с обратной стороны. Легкое движение, на которое девушка отреагировала бурно: ее пальцы непроизвольно сжались в желании притянуть Тэда к себе, заставить его отбросить игры.

Его рука начала поглаживать ее спину. Он смотрел на нее сквозь полуприкрытые веки: ее лицо в полумраке комнаты, откинутая голова, тонкая беззащитная шея, разметавшиеся по подушке волосы. Затуманенный взор, неотрывно следящий за ним.

А потом она потянулась к нему и прошептала в самое ухо:

– Мрррр…

Бариста ткнулась в ухо хозяину, будя его и ненавязчиво напоминая, что пора бы уже покормить бедную изголодавшуюся киску. И не важно, что в этой самой киске десять фунтов весу. Все равно она несчастная, бедная и голодная.

Тэд откинул одеяло и мученически застонал:

– Бар, иногда я тебя ненавижу, но вот именно сейчас – готов убить.

– Мяу, – невинно ответила сожительница и умыла лапой усы.

– Задница, – прокомментировал ловец. Вот только к кому он конкретно обращается, он так и не решил. То ли к наглой рыжей, то ли к еще более наглой судьбе. Ведь во сне он видел ту самую пигалицу, что приложила его вчера примусом.

Утро было ранним, но ловец решил, что работа – лучший способ избавиться он образа девицы, на которой его отчего – то заклинило.

«А может, наведаться к ней как-нибудь. Симпатичная ведь малышка?», – подумалось ему, когда он переступал порог отдела. Вот только секретарша начальника, заглянувшая к нему в кабинет, едва Тэд туда вошел, поджав губы, сообщила:

– Мессир Логан желает вас видеть. Срочно.

Ловец удивился. Если срочно, мог бы и механического вестника прислать…

Но, оказавшись в кабинете начальника, блондин удостоился сначала весьма изучающего взгляда, а потом и казенного бланка.

– Теодор, – потрясая бумагой начал мессир, – когда я советовал тебе найти девку, я имел ввиду просто найти. Зачем нужно было ее насиловать?

– Прошу прощения? – это были единственные цензурные слова, пришедшие в тот момент Тэду на ум.

– На тебя поступила жалоба от некой мисс Шенны. Ты домогался ее, а ее платье оказалось испорченным… И она даже принесла клятву на крови, что все написанное – верно, – глядя в строки бланка, начал мессир. А потом опустил бумагу на стол и, уперев в лакированную столешницу кулаки, сурово добавил: – Я все понимаю, Тэд, но сейчас, когда участились побеги душ, да причем не абы каких, а с красной меткой… Печенкой чую, что – то серьезное назревает. А тут ты, с обесчещенными девицами…

Начальник выдохнул и уже более миролюбиво продолжил.

– Да, закон дает ловцам поблажки. И наказания для сынов Оплота, кроме как штрафа, за подобные проступки не предусмотрено… Но будь добр, сделай так, чтобы мне больше не приходилось слушать высокоморальных речей из уст помятых тобою девиц.

Мессир Логан все более успокаивался, а Тэд, наоборот, внутренне закипал. Едва начальник закончил, ловец тут же осведомился:

– Разрешите идти?

– Да, – бросил, отворачиваясь, Логан и добавил через плечо. – И выплати причитающиеся девке десять талеров.

Тэд лишь скрипнул зубами: пятерка элитных шлюх стоила дешевле.

Шенни

Босые пятки кусал холод булыжника, осенний ветер продувал мое полусгоревшее платье насквозь, но вот странность: я не чувствовала в теле той ломоты и боли, что скручивала меня в тугой узел еще с утра. Словно внутри пробило какую – то плотину, и хлынувшая вода заполнила все ямы, выбоины, разломы, раны. И не только в душе, но и на коже.

А потом до меня дошло: магия. То, что сдерживалось посредством зелий столько лет, вырвалось наружу. Это ей я обязана такой резвой реабилитацией. А вслед за пониманием такого простого следствия, вспомнилась и причина: мой дорогой супруг, чтоб он сгорел в огненной бездне!

Вчера, когда я очнулась, мне не хотелось ровным счетом ничего. Но сегодня я была зла. Не просто зла, а в ярости. Неужели все мужчины одинаковы? Прикрываются любовью или должностью, а на самом деле?

С мужем все оказалось кристально ясно: твердил мне, как я ему дорога, а в итоге предпочел найти подешевле и подоступнее. Но и с сытой жизнью расставиться не захотел.

До жути захотелось, чтобы Грег поплатился за все. Чтобы его осудили за убийства Стэна и Лили присяжные, а за то, что чуть не выжег у меня магию – ареопаг ловцов. Но самый простой вариант – обратиться в полицию – ныне вызывал сомнения. А все из – за того ловца, который прямым текстом заявил, что не прочь разложить меня прямо на кухонном столе или получить иную плату.

А что, если благородство ловцов – такой же миф, как и забота Грега? Что, если над моей попыткой заявить на мужа просто посмеются, или вообще выдадут на руки благоверному?

Мой привычный мир с незыблемыми ценностями рушился, разлетался, как ворох осенний листвы под порывом ветра. А ведь маманька всегда говорила, что лучше Грега супруга мне не найти, что нас защищает магия барьера, а полиция – всегда ловит и наказывает бандитов. Ловцы – непогрешимы и следят за тем, чтобы не нарушались магические законы. А на деле…

Но моя маменька всегда была категорична. Всегда образцова. Всегда права. А отец… Он просто любил. И считал, что мир не состоит из черного и белого. А еще был по уши влюблен в свое дело. Поэтому – то и не мешал матушке воспитывать меня так, как она считала нужным: покладистая смиренная дочь, аристократка благородных кровей.

Маменька всегда гордилась, что в моих жилах нет «плебейской магии». Ведь словно в насмешку над знатью, дар под натиском договорных браков и межродственных союзов изжил себя среди аристократии. Способность к магии

перекочевала к тем, чей род мог похвастаться потомственными поварами и рыбаками, но никак не «голубизной крови». И лишь изредка в семьях аристократов рождались дети со способностями. Такими отпрысками обычно гордились, их отправляли учиться в Академию магии, а самых сильных – в Оплот. Но для моей маменьки такой дар у дитя – словно клеймо, кричавшее всем и каждому, что она не так далеко ушла от простолюдинов, а ее дочь будет обязана учиться. И, о ужас! Потом ее дщери наверняка придется еще и работать магиней. В маменькином понимании большего позора для благородной леди, чем работа, не существовало.

От догадки я споткнулась. Больно ушибла мизинец и заскакала на одной ноге, вынырнув из мыслей. И ухо сразу же резануло насмешливое:

– Вы только посмотрите на эту прошмандовку… Утро еще только, а она уже скачет, цветёт и пахнет…

Оказалось, что я проходила мимо обшарпанного подъезда, вход в который сторожили три старые гарпии, вооружённые клюками, вязанием и ехидством.

Колючий взгляд одной из замшелых блюстительниц нравов прошелся по моим босым ногам, голым плечам и чересчур откровенному вырезу.

Это-то меня и добило.

– И вам доброго утречка… – пропела я. – Если сами так не можете, то завидуйте хотя бы молча.

Слова сорвались раньше, чем я успела подумать.

Сказанное попало в благодатную болотную почву, которая тут же захлюпала. Местные кикиморы, не найдя сразу, что ответить, воинственно застучали вязальными спицами и зашамками проклятьями. Но после встречи с призраком все это показалось мне комариным писком.

А вот мысль, которая и заставила меня отрешиться от реальности, звучала в мозгах не хуже паромного гудка: маменька всегда благоволила Грегу, маменька была со мной в тот миг, когда у меня случился приступ, вызванный известием о

смерти отца… Именно маменьке, а не мне, прибывший лекарь объяснил причины и выписал мне микстуру, у которой был столь же отвратный вкус, как и у того лекарства, которым меня поила старуха Фло.

Правда, капли спустя месяц мне давать перестали, но я начала болеть, а в дом каждый день на послеполуденный чай зачастил Грег.

Я шла дальше по улице, не замечая летящих в спину окриков старух, думая лишь об одном: могу ли я вообще кому – то в этом мире доверять? Ведь супруг наверняка от родительницы узнал, чем именно меня нужно «лечить»?

Умом я понимала, что во всем этом должна разбираться полиция, а если дело коснется магии, то и ловцы. Но теперь поверить в справедливость правосудия…

А если проверить? Для начала хотя бы на примере того же распоясавшегося ловца. Решив все для себя, я резко остановилась. Покрутила головой из стороны в сторону. Улица оказалась на диво безлюдной, не считая тех трех старушенций, что еще сыпали проклятиями в след «срамной девице».

Девица в моем лице развернулась и целеустремленной походкой двинулась на них. Старушки, видя это, замерли, словно кролики, узревшие удава.

– Уважаемые, а где здесь отделение стражей Оплота? – задала я вопрос без обиняков, посчитав, что мы вроде как недавно горячо приветствовали друг друга и обменивались комплиментами.

Видимо, спроси я их, где тут ближайший бордель или крематорий, они удивились бы меньше и ткнули пальцем хотя бы в одну сторону. А так перст первой указывал налево, второй – направо. А третья вообще устремила большой палец себе за спину, в чрево подъезда.

Наконец, представительницы второй древнейшей профессии на земле (оная же – четвертая власть) отошли от моего хамского выпада и начали оттявкиваться отборной бранью. Судя по сказанному, передо мной были как минимум доктора медицинских наук: столь заковыристо они величали отдельные части тела и болезни оных. А с виду такие приличные, не обремененные анатомическими познаниями старушки…

– И все же, где? – я задала вопрос повторно и начала закипать. Думала, что фигурально, но оказалось, что буквально. Одежда, пропитанная утренней влагой тумана, задымилась, а потом с пальцев и вовсе сорвались два язычка пламени.

Как оказалось, лучше всего в вежливых уговорах помогает страх. Старушенции сбледнули и тут же выдали не только подробную инструкцию, как добраться до столичного отделения Оплота, но и пожертвовали мне шесть пенсов на оплату батискафа.

Причем деньги мне торжественно вручались со словами: «Милая, не держи на нас зла… Не серчай, мы же не знали, что ты ента… магичка».

На этот раз батискаф попался еще более старый. Его винт то начинал вращаться так, словно пытался раскрутиться и сбежать – таки от самого судна, то вдруг его заклинивало, отчего батискаф резко дергался.

На меня косились, но, как ни странно, презрительно губ не поджимали и лиц не кривили. Видимо, здешняя публика привыкла и не к такому виду некоторых пассажиров. Когда вся толпа, ожидавшая швартовки маршрутного батискафа, дружной гурьбой забралась внутрь, и капитан пошел взимать мзду, пол в очередной раз словно выбили из – под ног. Больше всего повезло тем, кто уже сидел. Я, еще не успев оккупировать край скамейки, пошатнулась, а из кулака выпала одна из монет.

Капитаном на этот раз оказался шустрый малый. Борода, к слову, у него отсутствовала как класс, но бриться юноше все же хотелось. Поэтому на щеках имелось сразу несколько отметин настоящего мужчины, оставленных кровожадной бритвой.

Моя монета не успела прокатиться по полу, как ее, гордо демонстрировавшую всем выщербленное ребро, подхватила загребущая капитанская ручонка.

– Что упало-то мое, – весело скалясь улыбкой, заявил молодчик.

Я и рта не успела раскрыть, как сидящая неподалеку дама весьма смелых габаритов пробасила:

– Красавчик, ты там не сильно дергай судном – то, а то я сейчас как упаду со скамьи, и тебе такого счастья не унести будет.

После столь провокационной реплики говорившая удостоилась внимательного капитанского взгляда. Юноша затравленно сглотнул и заявил, что он пошутил.

Мужик, что сидел рядом с пышкой, печально вздохнул и пробубнил в пространство под нос: «ну вот, а я надеялся…», за что и схлопотал, как позже оказалось, от своей фигуристой благоверной. Зато во всем произошедшем был несомненный плюс: капитан, от греха подальше, обошел меня стороной, взяв в плату один пенс, вместо положенных пяти.

Пока мы плыли, я молилась. Молилась так истово, как никогда до этого. Посудина грозила развалиться, скрипя на все лады. Остальные же пассажиры, видимо, привычные к такому ежедневному экстриму, вели себя на редкость флегматично. Кто – то грыз яблоки, кто – то вязал крючком длиннющий шарф цвета птичьего благословения. Девушка с обветренным лицом, что сидела напротив меня, зажав между ног корзину с вишней, с упоением выдирала из какой – то старой и до жути потрепанной книги страницы и вертела из них кульки. Картина того, как она ловко орудует, потроша издание, навела на мысль, что нам выпало для жизни удивительное время, когда варварство и прогресс идут рука об руку.

Наконец батискаф причалил.

Пассажиры вставали со своих мест и шли к выходу резвой походкой бывалых матросов, чуть шатаясь и закладывая кренделя. Я очутилась на земле одной из последних. Памятуя о маршруте, озвученном старушенциями, бодро потопала к отделению Оплота.

Неприятности начались еще по дороге. Чем ближе я подходила к своей цели, тем чаще на меня косились, оборачивались, тыкали пальцем. Сначала не понимала, отчего такие перемены, а потом дошло: я приближалась к серебряному кварталу столицы, миновав уже ремесленные: медный и бронзовый.

На все эти смешки хотелось сжаться и убежать. Но лишь крепче стиснула зубы, повторяя про себя: «Я – корабль. И не важно, что вокруг. Я не потону до тех пор,

пока все это будет снаружи меня, а не внутри». И шла. Шла с поднятой головой, смотря прямо вперед, за что, в итоге, едва не поплатилась, чуть не попав под колеса магомобиля, резко вырулившего из – за угла. По ушам ударил возмущенный звук клаксона, а водитель покрутил пальцем у виска. Но я, отпрыгнув струсившей кошкой на тротуар, даже не сильно испугалась. Ведь прямо с противоположенной стороны улицы висела табличка, извещающая всех и каждого, что перед ним – столичное отделение Оплота.

Дождавшись, пока магомобиль проедет, поспешила к зданию. В вестибюле, рядом со входом, сидела секретарь. Во всяком случае, именно так я мысленно окрестила девушку в форменном платье. Ее тонкие короткие косы, очки в роговой оправе, худое и немного угловатое лицо – все это отчего-то шло этому месту, казалось здесь органичным и правильным.

– Вы к кому? – сурово осведомилась девушка, сдвинув брови. – И по какому вопросу?

Тут я впервые замялась. А к кому, собственно, я?

– К начальнику, – решила я. Он – то и должен отвечать за хамское поведение собственных подчиненных. – По личному.

– Мессир Логан сегодня не принимает, – добавив в голос стали, отчеканила девица.

Мне давали от ворот поворот. И будь я прежней Хлоей Элгрис, то гордо развернулась бы и ушла. Но сейчас я вспомнила слова отца: «Трудно нам, упорным людям, всё в этой жизни дается. Трудно…Зато всё».

Набрав воздуха в грудь, я отчеканила:

– Сегодня один из ваших ловцов едва не убил меня, преследуя какого-то призрака.

Девица скептически вскинула бровь.

Мне захотелось хлопнуть ладонью по ее столу, но воспитание все же взяло верх над эмоциями. Зато вдруг со злостью подумалось, что это самое воспитание и образование в настоящий момент – до жути бесполезные и даже мешающие делу вещи. Хотя…

– Думаю, раз ваш начальник столь занят, то репортеры «Тишины в головах» будут более расположены выслушать мою историю.

Я блефовала, называя одно из самых скандальных изданий империи. Его прилюдно порицали все, но все же украдкой и читали. Газетенка с сомнительной репутацией держалась на плаву и, как ни странно, не имела в своей истории ни одного судебного разбирательства: до них просто дело не доходило, столь виртуозно журналисты издания умели шлифовать острые углы спорных тем.

Но все же попасть на первую полосу не хотелось никому.

Девица оценила мою браваду, осмотрела меня еще раз более внимательным взглядом, словно вошь, которая вдруг толкнула прочувственную речь адвоката, и, поджав губы, процедила:

– Возможно, мессир окажется столь любезен, что примет вас. Ждите здесь.

После чего она встала, одернула серую юбку и, раздражённо топая массивными каблуками, пошла в сторону лестницы.

Не было ее долго. Я успела изрядно замерзнуть, стоя на мраморном полу босиком, когда секретарь, наконец, появилась.

– Мессир Логан примет вас, – процедила девица. – Следуйте за мной.

Кабинет начальника оказался до неприличия простым, впрочем, как и сам его хозяин. Но за этой аскетичностью чувствовалась железная воля, а не жадность.

Мессир на удивление внимательно выслушал меня, не перебивая. А потом начал задавать уточняющие вопросы. А затем заверил, что непременно разберётся в произошедшем, но необходимо написать на его подчиненного официальное заявление. Даже форменный бланк принес и вызвался диктовать формулировки.

Правда, порою, когда он думал, что я увлеченно вывожу руны, то бормотал себе под нос: «Ну – ну… никто его не цепляет… Я ему покажу, что якоря не только от любви да заботы бывают… Злость и ненависть тоже хорошо держать на этом свете могут… Вот пусть с этой и бесится».

А я писала, выводя каллиграфическим почерком казенные формулировки. И вот что странно. Вроде бы простые фразы: «Из – за действий ловца Теодора Ронга моя одежда пришла в негодность…», «Получила физический и моральный урон…» – складывались в какую – то странную, совершенно иную, отличную от произошедшего картину.

И лишь когда я поставила точку, то до меня дошло: это же заявление об… Но мессир, несмотря на свой солидный вид, с мальчишеской ловкостью выдернул из-под моих рук листок и заботливо подул на еще не высохшие чернила.

– Ну, вот и все, милочка, спасибо. Мы обязательно разберемся и накажем нарушителя по всей строгости, а вам возместим ущерб, но пока… – он полез в портмоне и, достав оттуда несколько купюр, протянул мне: – Возьмите, купите себе одежду взамен испорченной.

Я уже хотела ответить гордым категоричным «нет», уж больно это смахивало на подкуп, когда мессир обронил:

– Я вам не как начальник эти деньги даю, а от чистого сердца, по – человечески, и прошу их принять.

Я согласилась. Хотя все внутри противилось этому, но разум, над которым измывались три чувства: голода, холода и стыда – оказался сильнее. Мне нужны были деньги, чтобы купить обувь, платье, еду, и я их взяла.

Но выйдя из отделения… Сказать, что я была растеряна – ровным счетом ничего не сказать. Вроде бы этот мессир сделал все по руне закона и даже больше, но у меня было такое чувство, что мной нагло воспользовались.

Я побрела куда глаза глядят, но потом сообразила, что лучше все же повернуть к медному кварталу, туда, где шумел рынок.

Там – то, средь базарной суеты, мне удалось купить платье. Не новое, но добротное. И ботинки с чулками. А ушлая торговка даже указала мне на колонку, где можно было помыть грязные ноги, чтобы тут же обуться.

О том, что я поступаю не совсем честно и правильно, я старалась не думать, гнала эту мысль, как назойливую муху, прочь, пробираясь по съестным рядам. Я надеялась купить что-нибудь перекусить, когда совершенно неожиданно для себя увидела кухарку. Нашу с Грегом кухарку… Дородная женщина стояла спиной ко мне, выбирая молодую морковь, и то ли торговалась, то ли беседовала с лоточницей.

– …и что, на той неделе похоронили хозяйку – то? – донесся до меня любопытный голос торговки.

– Да, в закрытом гробу. Но помяни мое слово, нечисто там все. Вон и Лили в розыск объявили. Дескать, сбежала она. А я вот что считаю: рыжая честной горничной была. Незачем ей сбегать было. Да и куда? К матери, что ли, в фермерский сектор?

– А горничную неужто еще не нашли? – допытывалась торговка.

Я притаилась невдалеке, жадно прислушиваясь к разговору. Даже дышать порою забывала, стоя спиной и перебирая с отсутствующим видом яблоки.

– Нет, так и не нашли. И хозяин дюже злой ходит. А после визита господина Карлоса – еще и с фингалом. Из дому носа не кажет и на всех слуг кричит. А старик – то, хоть и больной совсем, врезал сэру Грегору и заявил, что это за малышку Хлою.

– Да ты чего. И на тебя орет тоже? – посочувствовала кухарке собеседница, зацепившись за «на всех слуг кричит».

– Ну, на меня – то не особо, я же все – таки на глаза ему редко попадаюсь… – и тут повариха сменила тему: – Так отдашь три пучка за пенс?

Подслушивать дольше я не стала: и так лотошница, у которой я перебрала в корзине почти все яблоки, смотрела на меня так, словно я инфицирована

тяжелейшей формой наглости. И лишь тактичное воспитание прожжённой торговки, подкрепленное чуйкой на покупателя, не позволяет ей охаять меня.

Яблок все же пришлось купить. И вот, идя по улице и переваривая как сочную мякоть, так и полученную информацию, я вспоминала господина Карлоса – папиного друга.

С детства сохранилось воспоминание о мужчине в годах, но всегда – веселом, открытом, уверенном, цельном. Внешне он казался мне скалой, волнорезом, несмотря на свою худощавость, граничащую с худобой. Но в последние пять лет его подкосила болезнь. Маги и целители лишь разводили руками. Излечению она не поддавалась. Карлос медленно угасал, превращаясь в скелет, обтянутый кожей. Но, несмотря на болезнь, он всегда поддерживал меня в трудную минуту. И пусть слезы от разбитых коленок сменились плачем по ушедшему отцу… Он просто всегда был рядом.

Я и подумать не могла, что этот немощный старик так отреагирует на мою официальную смерть… Что раскусит гнусную натуру Грега. Глаза предательски защипало. Неужели в этом мире все же есть люди, которым можно доверять?

А потом на ум пришла старуха Фло. Ехидная, напрочь лишенная чувства такта, где – то суровая, но справедливая. И, несмотря на то, что меня тянуло к Карлосу, я все же решила вернуться в дом, под крышей которого провела последнюю неделю.

Вот только там меня ждал весьма неожиданный прием.

Добралась я к дому Фло уже поздним вечером, изрядно поплутав, но как оказалось, свет в царстве старухи горел вовсю. Дом жил. Ругался, сплетничал, мирился и любился, ел, горланил похабные песни…

С кухни донесся голос Марлен:

– …а в газете написано, что те, кто занимаются сексом, живут дольше.

Фло, беззлобно брюзжа, парировала:

– Марлен, ты, видать, решила стать бессмертной?

Я переступила порог кухни, в которой еще утром царил разгром. Примус, что я выронила, убегая, радовал взор вмятиной и начищенными до блеска боками.

– О, явилась, не запылилась! – увидев меня, воскликнула хозяйка.

Я переступила с ноги на ногу.

– Я в отделе Оплота была, – ляпнула, не зная толком, с чего начать.

– Да мы уже в курсе, что тут произошло. Спасибо соседям. А вот ты где пропадала? – самое поразительное, в сварливом тоне и неприятных вопросах старухи сквозила… забота.

Да, меня отчитают и стребуют ответа, но перед этим – накормят и дадут отдохнуть. И вот эта такая простая, грубая забота… Она согревала лучше любого кашемирового пальто.

Спустя полчаса я глотала обжигающий взвар с облепихой и рассказывала о своей поездке, которая по вечернему времени на этой маленькой кухне казалась мне на редкость идиотской идеей. А Фло лишь хмыкала, Марлен же и вовсе порою хохотала.

– Ненормальная. Кто на ловцов – то жалуется? – выдала под конец моего рассказа красотка. – Им не перечат такие, как мы… Да даже аристократы – и то лишний раз предпочитают не связываться.

Отчего – то при этих ее словах хозяйка помрачнела. А когда же разговор, перевалив далеко за полночь, все же закончился, Фло, вместо того, чтобы идти спать, зашла в каморку, в которой я провела всю прошедшую неделю, и бухнула мне под нос газету.

С первой полосы «Столичных ведомостей» на меня смотрел мой собственный портрет. Он размещался аккурат под заголовком: «Сегодня состоялись похороны Хлои Элгрис, наследницы состояния в несколько миллионов…».

– Ничего не хочешь рассказать? – вкрадчиво спросила Фло.

Я молча уставилась на снимок. Мысли метались, словно стая воронья, бестолково и чаще сбивая друг друга, чем помогая. Пауза затягивалась.

Фло села напротив меня, подперла подбородок рукой и задумчиво протянула:

– Вот бывают же люди. Вроде хочешь с ними поговорить, заглядываешь в глаза. А у них такой взгляд: свет горит, а дома никого нет…

Начни она жестко, с нажимом, возможно, я бы и закрылась, ушла в себя, ощетинившись иголками односложных реплик. А тут почувствовала: эта старуха меня поймет и не осудит. Может, даже от души отругает, но не осудит.

Я выдохнула, словно шагнула с моста в реку:

– Ладно, все, что ни делается – к лучшему. Правда, не всегда к моему лучшему, но да ладно…

Сегодня я определенно много рассказывала. Сначала мессиру, теперь вот Фло. И последней – без утайки. Она лишь качала головой, тяжело вздыхала, а когда я закончила, вынесла вердикт:

– Глупая, как есть, глупая. Только глупость твоя от материнской дури, – она прищурилась. – Послушай совета старухи: не ходи пока ни к кому. Ни к этому Карлосу твоему, ни к ловцам. Осмотрись чуток. Второго шанса тебе Престололикий может и не дать. А если мужа хочешь наказать, то сейчас у тебя силенок маловато. Он тебя опять вокруг пальца обведет. Месть отстояться должна, созреть, как вино, чтобы крепкой быть, таять на языке, казаться приятной на вкус и сбивать с ног одним ударом. А сейчас ты, как кипящая на плите кастрюля с компотом: все внутри клокочет, но скорее сама себя обожжешь, чем кому – то достойно отомстить сумеешь.

Эта речь старухи заставила меня по – новому на нее взглянуть. Через что должна была она пройти в свое время, чтобы так хорошо разбираться в этой самой мести?

Фло же, не подозревая о моих мыслях, продолжила:

– А пока – оставайся у меня, сколько надо. Мы люди простые, нам до миллионов и интриг дела нет. А что до мисс Хлои, я эту леди не знаю, пусть и для всех она пока будет умершей. Фло же знакома лишь с непутевой Шенни.

Она уже хотела уходить, когда в коридоре послышались звонкие мальчишеские голоса и металлический грохот.

– О, сорванцы вернулись. Ну, я им сейчас задам! Сказано же было, к полночи дома быть, а они… Ух! – Она воинственно потрясла кулаком, Но, прежде чем уйти, подхватила газету со словами: – Сожгу в печи от любопытных глаз.

У меня же эти самые глаза слипались. Я на одном лишь упрямстве добралась до постели и заснула. Возня и возмущённые возгласы близнецов, что – то убедительно говоривших про «совсем новую тачку, доставшуюся им ну совершенно бесплатно», я уже слышала сквозь вату сна.

Утро началось рано, с побудки Фло. Близнецы еще мирно дремали, когда хозяйка растолкала меня. Вручив полотенце и мыло, старуха указала путь в общую ванную комнату умываться, а когда я вернулась на кухню, ополоснув лицо стылой водой, торжественно вручила мне бидон и заявила, что мы пойдем за молоком и яйцами. Сама она держала в руках корзину.

Когда мы с Фло отправились за едой, дом еще спал. Впрочем, когда вернулись – тоже. Хозяйка захлопотала на кухне, бренча здоровенной сковородой.

Спустя пару минут в дверях показалось заспанное бородатое лицо. Лицо неопределенно хмыкнуло, повело носом и вопросило:

– Утро! А есть что поесть?

– Доброе, – сварливо ответила Фло, – Храт, будет работать котел, будет и еда.

Мужик понимающе хмыкнул и, почесав пятерней косматую бороду, изрек:

– Так ключей-то от подвалу у меня нету, – развел руками визитер.

– Беда с тобой, – Фло вытерла руки тряпкой. – Пошли, открою. А то от мальцов попробуй не закрыть дверь. Вмиг ведь полезут и что-нибудь да открутят…

Причитая себе под нос, старуха уже было вышла из кухни, когда из-за закрытой двери донеслось:

– Шенни, яичницу пока пожарь. Десяток яиц на всех хватит.

Я осталась на кухне одна. Нет, не так. На кухне остались я и яйца. То, что из них получается вкусная яичница – знала на практике. А вот «как?» – лишь в теории. Дома мне ни разу не доводилось готовить. Но все случается в жизни когда-то в первый раз. В моей вот – яичница. Первая. В двадцать один год.

Сначала я растерялась, как и всякий человек, которому предстояло совершить что-то новое, доселе неизведанное и крайне сложное. Но потом пришла решимость: если я хочу справиться с Грегом, то эта безднова яичница уж всяко не сложнее. Я с самым суровым видом подошла к корзине.

«Так, яйца есть», – рассуждала я про себя, разглядывая содержимое плетенки. Второй мыслью было то, что их надо пожарить. Обоняние тут же уловило прогорклый дух, который витал по кухне. Его источник – чугунная массивная сковорода с чапельником вместо ручки – уже стоял на горящем примусе и шкворчал маслом.

Для того, чтобы подбодрить себя, я с интонацией главнокомандующего, что выступает перед войском, произнесла вслух:

– Я хочу яичницу. Я могу яичницу. Я буду ее созидать.

Не знаю, впечатлилась ли будущая глазунья, но я, полная решимости, взяла первое яйцо. Обычно мне доводилось бить уже сваренный вкрутую продукт, поскольку гоголь-моголь моя матушка не признавала в принципе. Несмело стукнув острым концом о чугунный край, я поняла, что разбивать его все же стоит как – то иначе, поскольку содержимое потекло тонкой соплей. Последняя, впрочем, едва достигнув сковородки, начала мутнеть и белеть, подсказав, что я все же на верном пути.

Я перевернула яйцо и начала вытрясать его содержимое на манер соли из солонки. При этом старалась, чтобы мелкая скорлупа не попала в готовящееся блюдо. Попеременно мне это все же удавалось.

Сковородка недовольно брызгала маслом, мстя мне за надругательство над ценным продуктом, но я, как боец невидимого фронта, крепилась и лишь стискивала зубы.

Во второй заход я решила тюкнуть яйцо вдоль. Не сказать, чтобы результат меня сильно порадовал: ударила я от души. Но маска из желтка на лицо, говорят, очень полезна и питательна. Этим и утешилась.

Вытерев щеки полотенцем, я, как истинный ученый, решила: раз эксперимент с продольным сечением оказался неудачен, значит, должно повезти с поперечным. Не сразу, методом проб и ошибок, на шестом яйце я постигла искусство ровного разделения скорлупы пополам без глобальных последствий.

Когда мы с глазуньей отмучились, я глянула на дело рук своих. Оно впечатляло. Один край этого впечатления уже подгорал, второй – застыл полупрозрачным жидким студнем. И тут мне подумалось: сотворение яичницы – это очень интимный процесс, в котором участвую собственно я и яйца. Но ощущение, что в наши трепетные отношения лезет еще и кто-то третий, не покидало. И я наконец-то вспомнила: еду еще надлежит и посолить.

Обернулась в поисках солонки. Та одиноко стояла на краю стола, прямо как дерево посреди поля. Правда, в масштабах кухни роль молнии исполнила я: потянулась к посудине, но рука, познавшая, как и лицо, целебность желтка, соскользнула с фаянсового бока солонки. В результате та покачнулась, и слетевшая с нее крышка резко покатилась по полу.

– Упырь тебя побери! – в сердцах ругнулась я и, встав на четвереньки, полезла под стол искать беглянку.

От солеразведывательной работы меня оторвало заинтересованное мужское:

– Такой ракурс мне определенно нравится.

Я так и замерла: с оттопыренным задом, на четвереньках. Обзор был ограничен столешницей, оттого я, практикуя способ передвижения рака – отшельника, начала, перебирая коленями и локтями, выбираться из – под стола.

Едва распрямилась, как желание вернуться под стол и по возможности вырыть там себе окоп переросло в настоятельную потребность.

В зеленых глазах гостя плескалась ярость, щедро разбавленная презрением.

Я поежилась, невольно ловя себя на ощущении дежавю. Где-то мы это уже проходили. И не так давно.

– Я вижу, с момента нашей последней встречи ты приоделась, – прищурив глаза, начал ловец и насмешливо добавил: – Надеюсь, что это ради меня?

Попятилась. Его голос. Взгляд. Они вымораживали сильнее, чем стылые зимние ветра. А гость меж тем подошел к кухонной двери. Пасс рукой, и я скорее почувствовала, чем осознала: теперь ее не открыть.

– Не понимаю, о чем вы?

– Не понимаешь? – он сжал кулаки, а потом, словно сделав над собой усилие, ровным тоном продолжил: – И уже на вы… Впрочем, что это я, без прелюдии?

С такими словами он достал из внутреннего кармана портмоне и, отсчитав десять купюр, веером положил их на стол. А потом легким движением скинул с себя пиджак.

Я сделала еще один шаг назад, потом еще один и уперлась спиною в стену.

Гость зло усмехнулся.

– Ну что, крошка, начнем с того момента, на котором мы остановились? Ведь, как оказалось, ты прямо-таки жаждешь продолжения. Даже нафантазировала его в деталях и изложила в письменном виде моему начальнику. Или может, ты захотела легких денег? Но я, знаешь ли, не люблю получать нагоняи незаслуженно…

Я вскинула голову.

– Я ничего подобного не писала! – хотела прокричать, но голос предательски сел и вышел лишь шепот.

Незваный гость сжал губы.

– Паршивая лгунья, – отчеканил он, и меня пробрал до костей холод его взгляда. – Вчера ты в подробностях описала, как я тебя изнасиловал. А за подобное причитается компенсация. Десять талеров – вот цена девичьей или маскируемой под таковую чести для ловца. Но, знаешь ли, крошка, я не привык тратить деньги попусту.

Смазанное движение, и он буквально вжал меня в стену. Одной рукой ловец схватил мое запястье, вывернув его до боли. Я вскрикнула и почувствовала, как второй он начал задирать подол. Я в отчаянии прошипела:

– Да не писала я ничего подобного! Всего лишь то, что из-за тебя у меня не осталось платья. И не нужны мне твои деньги. Можешь ими подавиться.

Насмешка, сдобренная удивлением, всего на краткий миг полыхнула в зеленых глазах. Его рука замерла на моем оголенном бедре. Казалось, что ловец балансирует на грани. Идет по лезвию клинка, с одной стороны которого – разум, с другой – безумие и голод.

Вот только голод был отнюдь не гастрономический. Свидетельство последнего упиралось мне в живот.

– А зачем же ты тогда вообще пришла в отдел?

На кончике языка вертелся самый правдивый из ответов: «Для проверки». Но я понимала, что он же – самый нелепый из всех. Я молчала, и блондин принял это за признание моей вины.

– Сама напросилась, – были его слова перед тем, как ладонь ловца скользнула на внутреннюю поверхность моего бедра.

Кожу обожгло. Я дернулась, молясь лишь об одном: чтобы мой дар проснулся. Сейчас. Немедленно, когда он мне так нужен. Но сила молчала. А я отчаянно ненавидела весь мир. Наглеца, чьи руки смело гуляли по моему телу, сволочь Грега, мать, что в своем желании избавиться от дара дочери сделала меня никчемной. Я даже пробудить собственную силу по желанию не могу, не то, чтобы защититься с ее помощью.

По щекам потекли слезы. Я закрыла глаза и замерла соляной статуей, повторяя про себя: «Потерпи. Потерпи немного. Скоро все закончится».

Все и вправду закончилось, и гораздо быстрее. Ловец вдруг резко остановился. Я слышала его прерывистое дыхание, чувствовала его запах: зимнего леса и мяты, ощущала тяжесть его навалившегося тела.

– Твари глубины! – выругался он, и я вздрогнула.

Открыла глаза и встретилась с его взглядом.

– Я так не могу, – выдохнул он мне в губы. – Да, я та еще сволочь и мне плевать на всю высокопарную чушь о благородстве, но, смрад лабиринта, я не могу слышать всхлипы и видеть ручьи слез. Так что твоя взяла, лгунья. Я тебя не трону.

С этими словами он отстранился, а я торопливо одернула юбку, стараясь не смотреть, как он заправляет рубашку в штаны.

В горле стоял ком. Язык не слушался. Я медленной механической походкой дошла до стола, сгребла непослушной рукой деньги и, приблизившись к ловцу, запихнула ему купюры прямо в ворот рубахи.

Прокаркать: «Подавись», – не было сил, но, сдается, он и так понял смысл. А вот того, что произошло дальше, я и предположить не могла.

Ловец взял меня за плечи и притянул к себе. Не резко, но с силой, сопротивляться которой было бесполезно.

Поцелуй был далек от целомудрия, чувственный, проникающий, пьянящий своей свежестью и остротой. Губы впились в губы, не нежно и осторожно, но и не яростно, неистово. Ловец познавал, изучал, будто извинялся и уговаривал, накрывая собой, словно волной, затягивая на самое дно.

Я вздрогнула. Вздрогнула с ног до головы. Страх отступил. Но не отступила обида, и я укусила его нижнюю губу.

Вместо того, чтобы отпустить меня, отпрянуть, выругаться, в конце концов, этот ненормальный застонал. Застонал и… выдохнул мне прямо в губы:

– Я привык держать свое слово. И не возьму тебя насильно, но… – он не договорил, но в оборвавшейся фразе мне послышались одновременно и обещание, и угроза.

В этот момент дверь попытались открыть. Раздался недовольный голос старухи Фло:

– И чегось закрылась-то?

Горло все еще сдавливал спазм, отчего вышел хрип, едва ли слышный за дверью. Хозяйка же, как и многие старики, чуть глуховатая, разговаривала порою чуть громче.

– Кажись, у нее что-то горит там. Харт, ломай дверь!

Я лишь успела метнуть взгляд на сковородку с безвозвратно загубленной яичницей, как ловец щелкнул пальцами, и заклинание слетело с двери.

Харт пролетел через всю кухню пушечным ядром, а вот оставшаяся стоять на пороге хозяйка мгновенно оценила ситуацию. Не укрылось от нее и мое заплаканное лицо, и смятый подол платья, и купюры в вороте рубахи блондина, и особо – подгоревшая яичница.

Фло уперла руки в бока и, не обращая внимания на бородача, что стенал и потирал макушку, горячо и по-братски поздоровавшуюся со стеной, спросила, обращаясь исключительно к блондину:

– Скажите, уважаемый, а вам нравятся девушки-идиотки?

– Нет, – озадаченно ответил ловец.

– А такие неумехи, что не могут и яичницы сготовить?

Все еще не понимая, куда клонит старуха, незваный гость отрицательно помотал головой и добавил:

– Не понимаю, к чему вы ведете?

– Да к тому, что пытаюсь понять: на кой тогда нужно приставать к моей дурехе-племяннице?

Дуреха – племянница в моем лице начала заливаться краской. И вовсе не из-за своего внешнего вида, как полагалось бы воспитанной леди. Нет. Мне было безумно стыдно перед Фло за сожженную яичницу.

Донесшееся из коридора сонное мурлыканье и стук каблучков были предвестниками появления на маленькой кухне еще одной ранней пташки.

– Че-е-го вам не спи-и-ится? – чуть растягивая слова и прикрывая рот ладошкой, протянула Марлен.

Красавица как всегда была в неглиже, как всегда яркая и интересная во всех отношения. Она замаячила на пороге за плечом Фло. Но едва блондинка узрела ловца, как сразу же преобразилась. Так опытный работник паперти чует богатого и щедрого прихожанина. Так профессиональный пьяница улавливает аромат спрятанной бутыли браги, даже если рядом с ним разбили банку с хлоркой. Так хулиган шкурой ощущает местоположение батиного ремня в комнате, даже если тот надежно погребен под ворохом одежды.

Марлен сразу же преобразилась: томный взгляд, выставленная вперед грудь, втянувшийся так, что грозил сломать позвоночник, живот. Для полного соответствия образу «соблазню, даже если ты будешь отчаянно сопротивляться» не хватало только фразы: «Я вся твоя».

Девушка из кабаре вышла на охоту. Она походя оттеснила Фло и, очутившись на кухне, со значением протянула, чуть грассируя для кокетства:

– Вот уж не ожидала на собственной кухне, с утр-р-ра пор-р-раньше увидеть такого кр-р-расавчика, – и кокетливо начала накручивать локон на палец.

Бородач, которого Марлен усиленно не замечала, перестал ловить светлячков перед глазами, но, видимо, после удара головой у него все же «фляжка потекла», поскольку заявление девушки он принял на свой счет.

– И ты тоже ничего так, – осоловело ухмыляясь, прогнусавил Харт, усиленно окая.

Все взгляды сразу же сошлись на бородаче, потиравшем макушку.

– Я вообще-то не тебя имела в виду, – Марлен, судя по изменившемуся тону, разозлилась, что ее охоту так нагло прервали.

– О-о-о-о, – грустно протянул громила и начал подниматься.

Марлен же вновь развернулась к своей «дичи» и отрепетированным движением откинула волосы за спину.

– Так на чем нас прервали? – вопросила она таким тоном, который способен выманивать деньги даже на расстоянии. Казалось, ее не смущают ни ухмылка Фло, ни сопение обиженного в лучших чувствах Харта, ни мое изумление, ни даже не то что нулевая, а отрицательная реакция собственно объекта промысла.

Я лишь поразилась непробиваемой, непоколебимой целеустремленности девицы, решившей захомутать этого ловца, из сомнительных достоинств которого я пока видела лишь деньги, все так же выразительно торчавшие из ворота рубахи. Прямо как шелковый бантик на подарочной коробке.

Незваный гость же, вместо того, чтобы оценить выставленные для него напоказ «орудия соблазнения четвертого калибра» отчего-то скривился.

– Детка, – глядя ей в глаза, он начал доставать из ворота засунутые мною купюры.

Скомканные бумажки заставили Марлен невольно перестать пожирать взглядом блондина. Соблазнительница не могла отвести взора от мятой, но так призывно шелестящей бумаги. Полугодовое жалование горничной в доме аристократа – деньги не баснословные, но и не самые маленькие.

Ловец же аккуратно свернул деньги в трубочку и опустил скрутку в ложбинку меж грудей красотки. Та победно улыбнулась.

– Это тебе на одежду, а то, смотрю, у такой крошки денег на платье совсем нет… – Марлен беззвучно открыла и закрыла рот, а блондин продолжил: – И не стоит так стараться. Видишь ли, я сейчас не настолько изголодался по женскому телу, чтобы соглашаться на базарные сплетни, что не обсуждал только ленивый. Предпочитаю книги.

Увидев недоуменное лицо Марлен, он зло усмехнулся и пояснил:

– Женщины – как мысли. Если растиражированы и доступны всем, как бульварные листки – не особо интересны. Их можно послушать лишь разок, когда очень хочется заняться чем – то другим.

Ловец говорил блондинке, но отчего-то смотрел на меня. И этот его жест с деньгами, будто он хотел мне этим что-то сказать. Вот только я не поняла: что именно?

А потом он круто развернулся, и без замаха, кинул сгусток тьмы в штору, что закрывала вход в каморку при кухне. Черная дыра размером с напольное зеркало раззявила свою пасть, в которую незваный гость и шагнул, не прощаясь.

После его ухода на кухне воцарилась тишина. Ее нарушила недовольная Марлен. Девица вынула из декольте трубочку с деньгами и обреченно протянула:

– Полная жопа…

Я не сразу поняла, о чем это она, и решила ее подбодрить:

– Да нормальная у тебя фигура.

– Она не об этом, – ехидно прокомментировала Фло, все так же наблюдавшая диспозицию из дверного проема. – У нее тут такой мужик сорвался. И при деньгах, и красивый. Ловец опять же. А то, что нервный чутка… Так в постели наверняка горячий. И честный, что по нынешнему времени редкость. Все правду Марленке в лицо бросил, – она хмыкнула, а потом продолжила, обращаясь уже к полураздетой девице: – Только ты, милка, не обольщайся. Он на тебя не клюнет. У него тут, носом чую, другой интерес нарисовался.

Глава 3

Тэд

Ловец шел по переулкам лабиринта, то срываясь на бег, то снова восстанавливая дыхание. В голове его теснились мысли и образы, казалось, сводившие его с ума. А может, не казалось? Сейчас, остывая, он понимал, что чуть сгоряча не натворил. Да, эта пигалица его не на шутку разозлила. Но и он сам хорош… слетел с катушек по полной.

В последнее время он часто ловил себя на том, что еще чуть – чуть, и сорвется. Его до зубовного скрежета раздражал Лурк – ловец из второй группы, что кичился знатностью своего рода. Порою Тэду хотелось поправить самодовольную физиономию этого аристократического павлина хорошим хуком. Особенно когда этот аристократишка цедил в кулак о всяком уличном отродье, что невесть как попало в Оплот. И плевать, что Тэд прожигал свою шкуру в языках пламени лабиринта поболее многих, что находил души по едва уловимому следу, чтоб был одним из лучших в столичном отделе в свои неполные двадцать пять. Голубая кровь и древность рода, подкрепленные солидным банковским счетом, для многих важнее иных заслуг.

А еще Тэд тихо ненавидел своих соседей – правильную супружескую чету, с которой порою сталкивался, выходя из дома. В них было идеальным абсолютно все, но только с виду. Всегда улыбающиеся, всегда интересующиеся его делами, целующие друг друга в щеку напоказ – образцовые соседи. В общем, на первый

взгляд муж – эталонный семьянин, а жена – прилежная домохозяйка. Но от них так смердело ложью, так разило, что хотелось заткнуть нос. Супруг пускал слюни на молоденьких мальчиков, пока думал, что его никто не видит, а благоверная по четвергам принимала у себя гостя, которого в борделе на Лайс – стрит величали не иначе как «Мастер плеток и боли».

Да, Тэда раздражало многое, но чтобы вот так, как сегодня, бросить вожжи… Мысли щелкали, мельтешили в голове не хуже напёрстков у профессионального кидалы. А руки… они до сих пор ощущали нежную кожу, упругость девичьей груди. А ее запах… казалось, он проник даже сюда, сквозь привычный смрад лабиринта. Аромат с привкусом морской соли и имбиря. Эти воспоминания заставляли его кровь течь по жилам быстрее.

Но мир без теней не терпел измен, и тут же, в издевку, подкинул Тэду очередную гадость, коих у сумрака было не меньше, чем блох на шелудивой дворняге.

Две каменные химеры, что барельефами украшали стены одного из ходов лабиринта, вдруг стряхнули с себя, казалось бы, вечный сон. По их уродливым мордам взбесившимися пауками поползли трещины. Удар сердца – и ожившие монстры вышли из каменных то ли чертогов, то ли могил.

– Торопиш-ш-шься? – затянула одна морда, опалив Тэда огнем из своей глотки.

«А день обещал быть приятным… Но, собака, слова своего не сдержал…», – обреченно подумал Тэд.

Вторая химера раззявила пасть, откуда показался длинный, тут же затрепетавший змеиный язык.

– Зас-с-счем тебе с-с-спеш-шить, – уродливая серая рука потянулась к Тэду.

Скрюченные пальцы с загнутыми когтями вдруг стали осыпаться песком, а под ними проступила тонкая женская кисть. За нею, как лавина, следующая за покатившимся с горы камнем, начала осыпаться и вся химера. И вот уже вместо змееязыкой уродины перед Тэдом предстала блондиночка в пеньюаре. Та самая, которой он со злости запихнул проклятые десять талеров. Когда он совал скрученные трубочкой купюры в вырез той девицы, им двигал отнюдь не

интерес к прелестям красотки, что были едва прикрыты тонкой тканью сорочки.

Тэд хотел увидеть на перемазанном лице пигалицы… что? Он и сам толком не знал, но логичнее всего было предположить – жадность и зависть к более удачливой товарке. Ведь когда эта зараза запихивала ему купюры в ворот рубашки, ею двигали страх и ненависть, бурлившие в крови от только что пережитого. Но после того, как на кухне появились чокнутая старуха, у мелкой было время, чтобы прийти в себя и осознать: дав волю злости, она собственноручно лишила себя «заработанных» денег.

Ловец с болезненным мазохизмом ждал именно алчного блеска в глазах пигалицы, такого же, как у той блондинки в неглиже, хотел убедиться, что и мелкая зараза – столь же продажная. Ведь он по опыту знал, что и развратницы, и тихони в конечном итоге одинаковы. Только тихони ломаются дольше и громче.

Тэд ждал именно этой реакции от худышки, а получил… да его таким презрением Лурку во век не облить, как бы тот аристократишка ни старался.

И вот странность – его такая реакция пигалицы не раздражала. Она ему даже… оказалась приятной. Сродни той, что бывает, когда, открывая почтовый ящик, ожидаешь увидеть в нем квитки и рекламные буклеты, а находишь письмо от старого друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nadezhda-mamaeva/lovec

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити